

Расшифровка интервью

Дата: 17.06.2014

00:00:01

Родилась в городе Москва в 1934-м году на Арбате. Я ребенок арбатского двора. Дом этот до сих пор существует. Это Кармоничский переулок, напротив Спасо-хауса, дом 3, квартира 7. Но, к сожалению, судьба так у меня сложилась, что в три года я была увезена из этого дома. Это была первая ссылка моих родителей — со мной, мне не было трех лет. Это был город Семипалатинск. Родители мои, это первый нарком финансов СССР Сокольников [отец], который был репрессирован, но не расстрелян. Ему дали десять лет, он еще два года после процессов показательных 1937-го года находился в Верхнеуральском политизоляторе, а затем, когда он начал — он и Радек, им по десять лет было дано на процессе, остальных расстреляли — он начал такую, видно, какую-то борьбу не борьбу, но, в общем писать, что он не виноват, что надо пересмотреть дело.

00:01:35

А что ему вменялось?

Ну, ему вменялось очень многое... я..., вообще, мне очень тяжело читать материалы процесса, материалы его дела. Это читала моя дочь. Я не могу. У меня был такой вариант: один раз меня вызвали на Кузнецкий мост, вдруг, перед путчем, сказали, что нашли материал, где сказано, что докладывают эти ...охранники Верхнеуральского политизолятора, что Сокольников...была ссора в камере, и его убили сокамерники. Что оказалось неправдой, потому что было все не так. Он начал писать, и был отдан приказ из Москвы лично вождем о том, чтобы его перевести в одиночную камеру, поменять с Радеком. Радека в политизолятор в одиночную, его в Тобольск и там убить. Привезли специально уголовника. Это все описано в книге «Первый председатель КГБ Иван Серов», автор Никита Петров. Вот. И в этой камере в 1939-м году 21 мая его просто зверски убили, могила неизвестна до сих пор. Ну, когда, как я называю, в нашей семье произошёл смерч 1937-го года, естественно, мама моя — писательница Галина Серебрякова, тогда совсем молодая женщина тридцати лет, и бабушка, мы жили на даче, в Баковке здесь, потому что вождь всех народов поиграл с моим отцом еще, как кошка с мышкой. Он это очень любил. И он вызвал своего там помощника и сказал: «Почему у Сокольникова нет дачи? Он столько сделал для партии». И вот, началось, государственная дача в Баковке и мы на ней жили полтора месяца. С этой дачи он и был арестован: уехал на работу, и больше никто по сегодняшний день его не видел. Ну, конечно, когда мы, так сказать, я-то совсем маленькая — год и одиннадцать месяцев, а мама и бабушка очутились в таком ужасном состоянии, когда отняли дачу. Было сказано, что вышлют, в лучшем случае. Надо было быстро вещи куда-то деть. Отобрали квартиру впоследствии. Так что, казалось бы, жизнь начиналась очень хорошо у меня, потому что из Лондона, мой отец был три года послом, до 1932-го года с 1929-го, когда были испорчены отношения с Англией. И вот его послали туда, и он был очень успешным полпредом. Была привезена коляска, у меня была няня, которая весь двор удивляла на Арбате тем, что ходила в белом халате, в белой косынке, с этой шикарной коляской. Вывозила меня в скверик, который до сих пор есть там. Я несколько лет назад поехала туда посмотреть на этот дом. Я там три раза вообще около этого дома была после ссылки и этот скверик видела, куда меня возила няня. Короче говоря, мы, мама выбрала Семипалатинск. Ей было там дано несколько городов, [потому] что там отбывал ссылку Достоевский. А так как мама была писательница, ей слово «Достоевский» было, конечно, приятно. Но перед этим с мамой случился нервный срыв, она побывала в Кащенко, потом это прошло, и мы уехали в ссылку в Семипалатинск. Бабушка, я и мама. Ну а бабушка моя из Польши, дочь табачного фабриканта. Медик, которая мечтала осчастливить все человечество, вот, по теории Маркса. И он ее увлек в свою деятельность, за что ее отец выгнал бесприданницей прямо со двора. Бабушка, значит, с нами вместе уехала в ссылку, мама ... бабушка всегда говорила «Счастлив тот, у кого свой уголок», по-польски. И эта поговорка послужила тому, что мама, так как у нее были изданы книги уже, «Юность Маркса», за доллары, она купила там домик сибирский. Да, такой сибирский деревянный дом в Семипалатинске, из двух комнат и плюс еще две маленькие комнаты и сени. Это обязательно — с каждой стороны два входа и сени такие вот деревянные. Вот такой дом купила. Но не успели мы обжиться, как за мамой пришли и как жену врага народа и ей дали восемь лет, без суда, без следствия.

00:07:04

Это в каком году было?

1937-й год. Но в связи с тем, что была война, она отсидела одиннадцать. Она вернулась только

в 1947-м, на 1948-м году. И я осталась с бабушкой. Ну, старенькая уже, ну, по тем временам шестьдесят с лишним лет, вроде уже как бабушка, и я трех лет на ее руках. А у мамы от первого брака была дочь — Зоря Леонидовна Серебрякова, она на 12 лет почти старше меня. Сейчас она живет на Никулиной горе, доктор исторических наук. Дай ей бог здоровья. Девяносто один год. Она осталась в Москве, но ее быстренько схватили и в детприемник Даниловский, куда детей врагов народа, подростков всех свозили.

00:08:03

А почему она осталась в Москве?

Вещи расставить там какие-то куда-то отдать знакомым. Ну, просто нам была дана неделя, выбрасывали нас из Москвы. А ей было около четырнадцати лет. Вот она осталась. И собачка еще была — шотландский терьер, подаренный, отец его обожал. С этой собачкой [осталась]. Короче говоря, она удрала из этого детского приемника и приехала к нам в Семипалатинск. Вот приехала еще девочка. Ну, из своего раннего детства я почему-то помню, вероятно это происходило в квартире на Арбате — кстати, квартира эта была не Сокольникова как министра, это была квартира куплена за деньги от «Юности Маркса» переиздания. У отца моего не было машины, у него была служебная машина, никаких счетов за рубежом не было, это были совершенно другие люди, абсолютно другое правительство. В Семипалатинске мы очутились вот так вот, втроем. А мама была посажена в тюрьму, там, в семипалатинскую сначала. Из своего раннего детства я помню, что вот совсем маленькая я почему-то открыла совсем нижние створки какого-то очень большого темного шкафа. И вдруг с нижних полок на меня поехала масса тарелок: больших, маленьких, и я страшно закричала. Вот это вошло в память, причем это видно я очень маленькая была, почему-то вот я это помнила. Эти тарелки, которые двигаются на тебя. А потом, в Семипалатинске я запомнила обыск. Когда маму забирали, я там заболела очень сильно. Перемена климата, да и не до меня было этим женщинам, они не умели воспитывать ребенка маленького. И я вот сейчас письма читаю, которые мне отдали перед путчем вдруг, отца, которые Зоря писала моему отцу. Я поняла, что они меня кормили одними яйцами. В общем, хорошо испортили печень. Они ничего не варили что ли, я не знаю. Вот она ему пишет «столько-то, два яйца съела». Но ребенку в три года вообще и два яйца в день нельзя давать как я, дошкольный работник, знаю. И вот, значит, я у них на руках, трехлетняя. Я помню почему-то вот этот обыск. Когда я заболела очень сильно, то было такой уже, ещё маму не посадили, но видно было, что я не выживу. Обратились к врачам. «А кто вы? Ссылные?», — никто не приходил к ребенку. И только один врач по фамилии Тихомиров сказал: «Я буду ходить». И он меня спас. Ему была подарена какая-то вывезенная из Москвы, натуральная, эта такая настоящая картина какая-то небольшая. И вот я помню, что я так любила этого доктора, что думала, что в дальнейшем, все думали, я буду художником, потому что я изрисовывала каракулями столько бумаг и вешала их на гвоздик, когда придет Тихомиров, доктор, и дарила ему. Но потом, значит, пришли за мамой, и я помню, что мама стояла у стены, я запомнила ее, что такая красивая темноволосая женщина в коричневом платье с белым воротником и белыми манжетами, и ее уводят. И вот этот обыск. Я сидела в кровати, вокруг меня ходило очень много мужчин, и все они были в галифе и в сапогах. И вот эти сапоги, почему-то то у трёхлетнего ребенка вот они как-то запомнились, вот эти сапоги. И у меня из кровати вылетела игрушка, они мне ее подняли, и я сказала: «Спасибо». И раздался такой хохот, то есть это такие были, извините меня, сильно интеллектуальные люди, что когда такой маленькой ребенок говорит «спасибо» это страшно смешно. Вот такие некоторые воспоминания из очень раннего периода. А потом еще этот обыск закончился тем, что к нам во двор привели трактор. И трактор этот, шум такой был, он пахал, искал у нас какие-то контрреволюционные материалы. Выкопал маленькую шкатулку с драгоценностями — мама закопала колечки там какие-то были, ну вы понимаете. В общем, маму арестовали, и остались мы втроем. Что было со мной делать? Меня высаживали, был такой маленький палисадник около дома, и в этот палисадник меня на целый день высаживали, чтобы мной особо не заниматься. Я очень была спокойный ребенок такой знаете, очень положительный ребенок. Я сидела там на стульчике и, еще из старых, так сказать, запасов, на мне было очень, я помню, хорошенькое бархатное пальто, потом был такой капор и две таких шишки беличьих. И вот я там сидела. И однажды — мимо ходили люди же там, Семипалатинск он населённый такой в общем-то город, мимо ходили соседи. И однажды перед елкой подошла ко мне женщина и сказала: «Девочка, хочешь пойти ко мне на елку?» Я сказала: «Конечно». И она меня взяла за руку и благополучно увела к себе домой. Можете себе представить, что было с бабушкой и с сестрой? Пропал ребенок со стула. Как они меня нашли — не знаю. Я там веселилась от души вокруг елки. И меня привели и поставили в угол. Этот угол потом мне надолго, и еще в школе, я уже этот угол имела. Это был угол около концертного рояля, который приехал, на котором бабушка потом нас кормила, Шредера, и там был угол между стеной и роялем. И вот в этом углу у меня прошла очень большая часть моего детства. Вот в этом углу я очень долго стояла, чтобы я никогда с незнакомыми людьми не общалась. Потом ещё в раннем детстве была такая история, что я бегала по улице все время — бабушка как-то доверяла, но тогда не так, как сейчас, и она меня утром выпускала, я там бегала с куском хлеба, с ребятами со всякими, с мальчиками и с девочками, и ходил мимо мужчины, каждый день, одно и тоже время и все

время говорил: «Цыганочка!» — мне, потому, что я была чёрненькая, волосы длинные, ниже пояса всегда у меня были, и маленькая очень ростом и полненькая. Вот он меня значит: «Цыганочка!» Я отвечала: «Сам цыганочка». И вот этот такой, такой разговор тянулся довольно долго. Потом он однажды к бабушке подошел и говорит: «Вот мы тут недалеко живем с женой, у нас нет детей, разрешите ей к нам начать ходить в гости». И я пошла в гости. Как потом выяснилось, это были следователь, который в это время вел дело Галины Серебряковой. И пока она из семипалатинской тюрьмы не уехала дальние края сибирские и прочие, он не просил бабушку, чтобы я пришла к ним в гости. Следователь, по-моему, фамилия Иванов. Представляете? Вот он взял меня к себе, я там к ним ходила в гости. И когда началась война, я заявила, когда меня спросили при большом скоплении народу, а мне там было что-то ... финская война шесть лет, значит, меня спросили: «Кем ты будешь?» Я так гордо сказала: «Санитаркой». И все говорят: «Как санитаркой? Ты знаешь, там ведь выносить надо всякие такие вещи, типа судна». А я говорю: «Нет, это выносить раненных с поля боя». Вот такая девочка была. Но потом в моей жизни появилась подруга, я ее и сейчас бы нашла с удовольствием, девочка, у которой отец был на фронте, это, в общем, потом уже это все было, которая меня в детский сад привела на год. Но для моих родителей детский сад — это было что-то запредельное вообще. Зоря и бабушка, какой-то детский сад еще. Но вот я все-таки в этот детский сад сама определилась и сама ходила. Бабушка, она почему-то считала, что детям надо зубы лечить, и в пять лет она меня повела к зубному врачу. Пришли к зубному врачу, очень милая женщина и она говорит: «А почему бабушка? А где мама с папой?» — «Нет мамы с папой» — «Ой, ну как же, Вы пожилая женщина, у Вас маленький ребенок, Вам же тяжело. Давайте ее в балет отдадим». Бабушка говорит: «Вы посмотрите на нее, какой балет! Маленькая, полненькая, какой балет?» А я еще была похожа на Мамлакат. Это была такая скульптура в советское время — Сталин держит на руках девочку, вот такая челочка черная, которая там хлопок что-то собрала много. Вот я вылитая Мамлакат была, вылитая. Она говорит: «Вы знаете, я работаю еще в госпитале зубным врачом, а там кружок танцевальный, и вот туда ее мы и отведём». Ну, бабушка посмеялась, посмеялась, но привела. Привела меня в этот балетный кружок. Пять лет, ростиком маленькая, полненькая, значит, два притопа, три прихлопа, и меня берут. А мама в 1927-м году ездила в Китай. Она была первым корреспондентом газеты «Комсомольская правда». Я им звонила, когда у них юбилей был. Я говорю: «Вы хоть вспомните Галину Серебрякову. У неё три маленьких книжечки». Она совсем молодая была, только вышла замуж за Сокольникова, он ее заставил быть писательницей. Не он — она бы не была. Он ее запирает в ванне, и она стала писательницей. Бросал туда книги, запирает и уходил. Три книжки про Китай. И она оттуда привезла детский маленький шелковый китайский костюм. После стольких обысков и всего, он почему-то у нас, этот детский китайский костюм, сохранился. И на меня его надели в пять лет, и я значит вот так пальчик, сюда веер — и аплодисменты невозможные, потому что я оказалась очень музыкальным ребенком, который хорошо танцует, хорошо поворачивается, да еще эта челочка и еще маленькая такая, в общем полный там восторг был. И война. Начинается война, госпиталь становится военным, прибывают раненые, а преподавателя на фронт. И меня оставляют. Меня оставляют одну там, из всего кружка, для раненых. И бабушка меня привозит в шесть лет, и я там танцую перед ранеными, уже русского. Сшили мне такой сарафан. И китайский, и русский, и все я там танцую, раненые рыдают, значит. Потом опускаюсь туда в зал, мне сахар в руку дают. Что они могли дать? Экономили сахар, кусочки. Вот так я начала там свою жизнь, вот эту вот танцевальную, совершенно не понятную. Ну вот, ну по немножко я играла у бабушки на пианино, но так чтобы у меня, я не усидчивая была, чтобы посадить там гаммы, все, целый день бабушка играет и играет, кормит этим нас. Зоря — там своя началась личная жизнь, пусть она рассказывает, это ее история, тоже интересная очень. Короче говоря, вдруг приходит письмо с фронта от преподавателя этого кружка, руководителя. Он пишет в семипалатинский Дом пионеров: «Найдите Ланочку Сокольникову и примите ее в танцевальный кружок Дома пионеров. Из нее выйдет отличная танцовщица в дальнейшем». И к нам приходит завуч, мне девять лет, и меня определяют в Дом пионеров в танцевальный кружок. Ни больше ни меньше, как я становлюсь солисткой, очень быстро, этого кружка. Там балет «Зайкина избушка», «Кто лиса?» — «Ланочка Сокольникова». Семипалатинская «Правда» выходит с моим портретом, значит, «необыкновенное исполнение ля-ля, фа-фа». В это же время, бабушка: «Давай в Дом пионеров еще и на фортепьяно». Определяет меня на фортепьяно и, как потом выяснилось, есть такая русская замечательная песня, вот сейчас ее Зыкина пела «Гляжу в озера синие, в полях ромашки рву», так вот, я попала к преподавательнице, Конкордии Евгеньевне, имя — Конкордия Евгеньевна. А сын ее — будущей композитор, Леонид Афанасьев, этой песни. И я приходила к ней домой заниматься, а он с фронта приезжал, такой красавец, садился за пианино, играл. Я вот запомнила это маленькой девочкой. И там меня очень быстро, через год я перехожу в шестой класс. Опять статья в газете, у меня все вырезано, опять статья «Ланочка Сокольникова так сыграла Баха, что зал чуть ли не рыдал!» Время ведь военное было время, так что я, вдруг, стала такая знаменитость, там в Семипалатинске. И эта не мешало мне учиться, учиться на «отлично», между прочим. Все время училась на «отлично», хотя у меня не было дома даже стола, где я могла сесть учить уроки. Поэтому, когда я пришла в пятый класс, и надо было алгебру, геометрию [учить], и тут началось уже тебе не ляля. А так, приходили студенты на практику им говорили: «Вон там сидит девочка, вот вы ее вызывайте, за практику

пять получите». Потому, что я учила то, что я слышала в классе. Что услышала — то на другой день на пятерку я могла ответить. Такой гуманитарный склад. Ну, это вот такой вот возраст. Кончилась война. Что было еще в школе для меня такой драматической историей: когда была война, в Семипалатинск потянулись эвакуированные, и в школе появились дети, в основном с Украины и, как сейчас я понимаю, мы ведь не разбирали национальность, это были еврейские дети, в основном. А до этого у меня случился первый урок истории, о котором вы знаете. У бабушки была ученица, кореянка, Искр Ким, отец ее был ректором пединститута семипалатинского, а жили-то все на земле, вот так домики стояли, и я к ней зашла. Шла война. Отец ее сидел, нога на ногу с газетой, и а я такая — девять лет, а мне пять можно дать. И он, значит, так меня пальцем: «Иди-ка сюда. Как фамилия?» — «Сокольникова» — «Ааа, это о твоём отце в истории ВКП (б) на сто какой странице, что он под откосы поезда пускал, колодцы отравлял, шпион был японский и английский!» [мне] девять лет. Я как рванула их этого дома к бабушке, а бабушка молчит.

00:24:55

То есть, пытались поговорить все-таки, да?

Хотела спросить, что это такое. Она только по голове погладила — и все.

00:25:03

А в школе никогда никто?..

Не-не-не, никому ничего. В школе было так, один раз я только поплакала. Учительница в первом или во втором классе сказала: «Завтра у нас родительское собрание, пускай придут мамы и папы». А я подняла руку и сказала: «У меня нет ни мамы, ни папы» — «А кто у тебя есть?» — «Бабушка» — «Пускай придет бабушка». Вот тогда я поняла, что я какая-то не такая. Национальный вопрос вообще не стоял, кто я. Я запеваля тогда «Вставай страна огромная...», я была знаменитая там танцовщица. Вот и все.

00:25:39

То есть, там вот этого «дети врагов народа», там этого не было?

Абсолютно.

00:25:44

Да?

Абсолютно. Вот в этом возрасте, в этом возрасте, до вот этого первого урока истории в девять лет, вот это был «первый урок истории», я его называю. У меня пять уроков истории. Вот это первый урок истории, когда я в ужас пришла от такого сообщения. Ну, и тут, значит, 1947-й год, мама выходит на север, у нее появляется вот эта еще одна дочь — она родила за колючей проволокой. Это ее истории жизни, это она пускай. И, значит, она пишет письмо: «Разрешите мне заменить ссылку в Сыктывкаре на Семипалатинск». Маму не освободили, хотя был закон: кто родил детей — освобождать. Ее не освободили, девочка до трех лет была в лагере. И приезжает мама, а я вся из себя, кисейная барышня, которая танцует и играет на пианино. Мама это все, значит... ну, вы читали в «Новой газете», что встреча у меня получилась с мамой очень тяжелая.

00:26:58

Нет, как будто я не читала, потому что люди же, которые будут...

Встреча получилась тяжелая. Но вы знаете, я заметила, насколько вот сейчас видите солнце, насколько с того света меня мне помогает ангел-хранитель этой мой отец, настолько все, что касается моей матери, я через страдания. Вот землю я здесь продавала — я в больнице, младшая сестра цветет и пахнет. Второй раз продавала две сотки — я в больнице. Мама мне ничего просто так не дает, я должна пострадать. Поэтому встреча, когда я о ней рассказываю, я с опаской, но я расскажу. Значит, была зима, сибирская сорокоградусная зима. 1947-й год. Поезда не ходили — заносы. Это послевоенное время. И мама едет — телеграмма. Кому встречать? Зоря беременная, вот сейчас сыну шестьдесят с чем-то лет, а бабушке за семьдесят, остаюсь я. Одета я была — это ужас. Бабушкина шуба какая-то невозможная, чуть-чуть перешитая, жуткие какие-то валенки, невозможная какая-то тряпка на голове и некрасивая, потому что это гадкий утенок в тринадцать лет, все дети бывают гадкими утятами. Веснушек полное лицо, ну, совершенно неинтересный ребенок. И вот в таком виде я на вокзале. Сижу сутки — поезд не приходит, сижу вторые — начал народ, а народ сердобольный, сибирский: «Девочка, а что это ты тут сидишь? Кого ты встречаешь?» А я встречаю маму, которую не

знаю. С трех лет ,что я помню? «Да, на вот тебе яичко, на вот тебе там курочки кусочек». Кто-то кормил видно, я не помню. В общем, на третьи сутки появляется поезд. Мало того, что я еще так выгляжу, так еще трое суток не мыться, ничего, сидеть там. Я смотрю на этот поезд — второй вагон, стоит прижавшись к этому, ну, где выход из поезда, дверь, стоит женщина, красивая такая, черненькая. Такая шляпка, вуалетка, значит, а здесь осталась каракулевая шуба, что-то еще, заехал ее муж, отдали люди эти вещи, вот она была в каракулевой шубе, в шапочке, в общем, женщина красивая. Сорок лет, молодая еще. Я посмотрела, думаю: «Это моя мама, по-моему». Я же не знаю. Стою, стою, второй вагон не открывается, дверь. Я смотрю — последний вагон пятнадцатый или какой там, вываливает там куча народу, я туда. Значит, бегу туда, стою там , никаких мам нету, девочки маленькой нету, мужа этого, он приезжал за девочкой, нету. Я поворачиваюсь, и представляете, пятнадцатый и второй, и там эта женщина стоит у вагона, с ней у ног стоит девочка маленькая и мужчина. И вот я кричала слов «мама», по-моему все остановилось на вокзале. От пятнадцатого вагона до второго я бежала и орала «Мама!» Когда я подбежала — прижалась к ней и заплакала. Она мне говорит, холодно так: «Ты что плачешь? Ты не рада, что я приехала?» Обалдеть. Потом говорит: «Какая ты некрасивая, как же ты плохо одета». Вот все. «А почему ты встречаешь?» Я говорю: «Зоря беременная, бабушка старая». Она этому мужу своему, его звали Иван, а она всегда папу моего «Гарри» звала, он Григорий, она ему говорит: «Ивик, могу тебя поздравить: мы скоро будем бабушкой с дедушкой». Все, сели на лошадиную повозку и потряслись. Представляете мое настроение? Я ведь умная девочка-то была. В тринадцать лет. И приехали в этот Семипалатинск, к дому в Семипалатинск, я выбежала, прибежала к бабушке, уткнулась в нее и говорю: «Мама меня не любит». Вот все, что я сказала. А дальше начался кошмар. Значит, во-первых, «Убрать из Дома пионеров!» «Что это ты, — бабушке она сказала, — кого ты воспитала?» «Я считаю, — она же пела замечательно, как Нежданова и брала уроки у [нрзб], когда отец был послом, — или должен быть очень талантливый человек или никакой, а среднего не надо. Поэтому убрать из балетного кружка, убрать из фортепьяно. И совершенно по-другому воспитывать. Значит так: стирку будешь осуществлять ты». На всю семью, я в тринадцать лет, еще прибилудилась девушка одна детдомовская; стирка, мытье полов тщательное, побелка — я могу сейчас вам побелить дом за час. Значит, вот побелка, эта щетка такая специальная для побелки, мне пригодилась потом в Ташкенте, в частных квартирах я прибежала на перерыв и белила всю квартиру. «Иголка с ниткой, потому что меня в любой момент могут опять арестовать, —она права была, — а она ничего не умеет». Но это было не все, потому что этот второй, то есть это уже не второй, а, ну, очередной, в общем, ее муж, он ее настроил на то, что «Давай ее отдадим в ремесленное училище». Меня, в ремесленное училище? Такую знаменитую, понимаете, девочку, которая всегда отлично училась? Для меня ремесленное училище это, ну, бог знает что было. Я, конечно, в слезы, конечно, в кошмар. И, значит, был такой вечер, я схватила свои книжки, а во дворе была высокая-высокая трава, и я в эту траву плюхнулась с этими книжками в обнимку, а мама вышла на каблуках, она не знала, что я там в траве лежу и наступила на меня очень больно. И вот я взвыла от этой боли и побежала топиться на Иртыш, потому что я плавать не умела. И я побежала. За мной, значит, бежала мама, за мамой бежала бабушка, город весь созерцал всю эту картину. А до этого мама умудрилась поссориться с Зорей. Зоря ушла в маленькую комнату с мужем и беременная, и тут еще я, значит, которая бежит топиться. После этого закрыли меня там хорошо на замок, на пару дней, потом я вышла, нашла себе подругу, которая снимала сарай с мамой в Семипалатинске и гуляла по вечерам с солдатами. И вот я отправилась жить к этой девушке, она меня красила, одевала мне туфельки, у нее ноги маленькие, 33-34-й размер, и мы с ней выходили в парк.

00:35:04

Это вам сколько было лет?

Это мне около четырнадцати.

00:35:07

Это какой год был?

Значит, мама приехала в 1947-м году, я 1934-го, ну вот где-то подвигалось уже после тринадцати. Это все недолго продолжалось, это всего несколько месяцев, как она приехала. Это лето, она приехала зимой. Вот это летом все произошло. И мы себе идем, к нам прибились какие-то эти матросики, и идет мамина подруга. Мама сразу заводила всегда знакомства, а первая дама Семипалатинска была дочь, то есть жена, Героя Советского Союза, Плешкова. И идет эта почему-то Плешкова, и у нее глаза на лоб, когда она меня видит в такой компании. Она приходит к маме, в общем, начинается кошмар: меня ставят посреди комнаты, вокруг все эти мамини подружки, женщины и допрашивают, «люблю ли я свою маму». А я как волк, подросток, с которым нельзя так обращаться, я как педагог знаю это, нельзя. А я вниз, в пол: «Нет, не люблю!» Ну, и что с такой дочкой вообще делать? Ужас. Ну нельзя так было ломать через колено. Ну, и все это тут же заканчивается очень плачевно: маму вызывают, она же

ссылная, все равно ходит на отметку, ее вызывают и говорят ей: «Вам надо уехать в город Джамбул». Начинается вторая волна 1937-го, уже в городе Джамбул. Но перед этим хочу еще рассказать вам несколько историй. Значит, история такая — во время войны к нам приехало очень много девочек и мальчиков эвакуированных. И я подружилась с девочкой, которую звали Дора. А нас раз в месяц водили в баню, война, и мыли жутко вонючим мылом, чтобы у нас не было вшей. И вот эта Дора, у нее оказался педикюлез страшнейший, и ей было сказано побриться налысо. А я, красотка-кабаре, которая там «Лебединое озеро» в Доме пионеров исполняла, волосы ниже пояса, я за компанию. И мы пошли в парикмахерскую, я побрилась налысо. Явилась домой я абсолютно лысая, бабушка с Зорей чуть в обморок не упали. И вот потом началось лето, еще мама не приехала, значит, это перед концом войны, начало 1945-го года. У меня были трусики из какого-то лоскутка, который был еще из Лондона привезен — и больше ничего на теле. Только эти трусики и лысая голова. И вот, я помогала своей подружке воровать дрова в столовой, когда повар наколет дрова, уйдет. А у нее, значит, маленькая девочка, мама на работе, а папа в армии, надо дрова для печки. И вот, мы воровали эти дрова, один раз меня за ухо поймали: «Мальчик!» А кто еще лысый и в трусиках? Вот такая была история. И вторая история была ужасно плачевная, это военного периода касается. В Семипалатинск привезли мороженое, мороженое это продавалось в железных бочках. Замороженная розовая вода. Ложкой брался этот кусок замороженной розовой воды и взвешивался. Рубль — сто грамм. И я, значит, так как у нас был огород, я его терпеть не могла и до сих пор говорю: «У меня никогда в жизни огорода и библиотеки большой не будет». Потому что книги вытирала все я, в девять, там, десять лет, и на огороде надо было из бочки носить и поливать огород. Там росли помидоры, огурцы, там, знаете, в войну-то, бабушка делала салат всегда стоял. Ну вот, значит, я всех своих друзей, которые вечно помогали мне этот несчастный огород поливать, я пригласила на мороженое. Что я сделала: я пришла, бабушка на пианино, на рояле сидит, не видит, что у нее там за спиной, а там лежал такой старинный черный ридикюль. И в нем были деньги, которые дети приносили и все. И, как сейчас помню, была такая красная или розовая десятка. Я взяла эту десятку, и мы отправились есть мороженое. Я, значит, десять порций всем, кто мне помогал огорода поливать, я всем купила мороженое. Через некоторое [время], два-три дня, начались поиски: «Куда делась эта самая десятка красная?». Нету. Я молчу, как партизан. Поссорилась с кем-то из этих детишек, они пришли к Зоре и сказали: «А Вы знаете, что Лана нас угощала мороженым, а взяла его в ридикюле у бабушки, деньги?» О, на всю жизнь урок. Зоря придумала так: «Вы, — говорит, — все придете и будете в окнах открытых сидеть», все дети эти, которые ели мороженое. Я была, значит, приглашена: «Сними трусики! — при всех трусики снять, — сними трусики», на колени и ремнем. Вот такой вот я получила урок, как нельзя брать деньги, и что такое предательство детей. И еще был такой инцидент. Значит, что-то я где-то копалась и вдруг вынимаю такой красивый шелковый голубой платок, а на нем звезды искусственные пятиконечные вышиты. Я к бабушке, она опять на пианино — ей деньги надо зарабатывать. Я говорю: «Бабушка, это что такое?» Она говорит: «Это шлейф от платья, в котором твоя мама ходила к королеве Елизавете». Я — платок на лицо, всем соседям, которые выходят из ворот: «Это шлейф моей мамы от платья, в котором она ходила к королеве!» Все [крутили] около виска. А это правда был шлейф. Это правда моя мама ходила в 1930-е годы на прием к королеве. И это, действительно, был кусок шлейфа этого ее. Вот были такие вот события. Но, вернемся к тому, что маму вызвали. Она продает этот дом в Семипалатинске. Ну, там были еще приключения, не буду о них, ладно, пропустим.

00:42:13

А вы считались ссылкой? Вот вы? Бабушка?

Нет.

00:42:17

Нет?

Нет.

00:42:18

А почему вы тогда не возвращались в Москву?

Ну, как в Москву, если нас выслали?

00:42:23

Значит, все-таки, вас выслали?

Наверное.

00:42:26

Значит, вы считались ссыльными?

Я думаю, что да. Ну, видите, я училась в школе. Все, что со мной случалось, могло случиться с любым военным ребенком в то время. Я, когда шла война, я была — вот еще факт, я была единственный человек, называлась «завхоз». У меня были все карточки на хлеб. Я ходила за хлебом, а, чтобы, черный хлеб маленькими кусочками получали, а один раз можно было в пять утра сидеть около ворот магазина, около закрытых дверей, и привозилось десять белых булочек крошечных. Если ты сидишь первый, второй, третий — тебе доставалась булочка. И я сидела в пять утра около дверей частенько и приносила эту булочку Зоре, потому что она считалась больной. А я краснощекая, вся из себя, вечно на улице торчала. Потом, меня еще заставляли цветы продавать. Зорин муж выращивал цветы, и всегда в одно и то же время ко мне приходила женщина и все скупала у меня. И я на эти деньги покупала Зоре яблочки. Они не росли тогда. И я в корзиночке приносила эти яблочки, ни одного не съедала. А потом эта женщина написала своей — мама мне рассказала — написала своей сестре, которая отсидела в лагере с мамой. И говорит: «Я покупаю цветы у Галины Серебряковой дочки. Мне так ее жалко, она такая маленькая, сидит с этими букетами, ей так неудобно. И я у нее скупаю, отдаю ей деньги. Как же можно было заставить ребенка вот так унижаться?» Вот, что оказалось. Ну, я понимаете, вот какой-то такой ребенок... в медицине есть такое [понятие] «сангвиник». То есть, понимаете, я не меланхолик, не, там, не какой-то этот, холерик. Такой ребенок, который все это как-то переносит, ну вот как должно быть, почему-то. Во всяком случае, мама продает дом, уезжает в Джамбул одна, там покупает жуткий маленький саманный дом. Саманный — это крыша была из соломы, а стены такие, из глины с кизяком. Маленький дом: две крошечных комнатки и дворик. Такой сад потрясающий, такие яблоки, такие фрукты — город южный. Я остаюсь с этой маленькой девочкой и с бабушкой, и с ее очередным мужем этим. Она его вызывает туда: «Ивик приезжай». Мы вообще трое остаемся в проданном доме. Мне уже, у меня уже седьмой класс, уже четырнадцатый год. Я должна ходить в школу, а я только одну четверть отходила, и вот эта история приключилась — вторая ссылка. А эти ворчат: «Когда вы съедете? Дом продан».

00:45:52

Вот кому уже продали, да?

Ну да, да. «А вы тут торчите».

00:45:56

А Зоря где? Старшая сестра где, с мужем?

А Зоря в Семипалатинске. Зоря в Семипалатинске. Она же не выслана, она отдельно. Как с мамой поссорилась, так и все, с мужем и с ребенком, родился. И преподает в школе. Тут, конечно, приключаются чудеса. Девочка эта моя заболевает корью. У бабушки в семьдесят лет гнойный аппендицит. И я. И никого. Зоря прибежала один раз, там ребенок маленький, все. Бабушке за город, ей сказали: «У вас девяносто девять процентов смерти, один жизни». Она сказала: «Давайте режьте». Она выжила. А с девочкой — я не знаю, как лечить, чего. Мне четырнадцатый год. Я знаю, что надо завесить все красными тряпками. Вот все красными тряпками завесила, что там произошло — девочка выздоровела.

00:46:54

Это зачем красные тряпки?

А это чтобы сыпь вся внутрь не входила. Где, я не знаю, где слышала. Я вообще очень много читала маленькая. В общем, короче говоря, вот такая ситуация. Можете себе представить? Приезжает этот Иван Иванович мамин: «Давай собираться». Собираемся. Этот рояль и все прочее, все это надо товарный вагон. Таня, эта девочка, и бабушка остаются у знакомых. Вот у этой [жены] Героя Советского Союза, потому, что нельзя их брать в товарный-то вагон. И вот, мы с ним десять суток мы едем до Джамбула. Собачка какая-то приبلудилась к нам, буржуйка, и я отмораживаю ноги благополучно. Кричу ужасно, стопы совершенно отморожены. Приезжаем в Джамбул, значит, одна комната, еще крошечная маленькая. В эту комнату только этот концертный рояль как встал, так и встал, и только диван и книжный шкаф еще, несколько полок, вот которые я ненавидела, с Шекспиром, издания еще с Москвы. Вторая комнатка узенькая, маленькая, а третья — пристрочка, в которой печка и лежанка. На маленьком сундучке бабушка поместилась у любимой дочери, да простит меня бог, я на лежанке. Причем, мама сказала — на камнях вот таких. Там камни. «Чтобы долго быть молодой, надо спать без подстилки!» И вот у меня там горячо, ночью ноги болят, я кричу. «Не мешай спать!» Они там, в этих двух комнатах — Таня и мама с мужем. Это продолжалось совсем недолго, всего несколько месяцев. А мне же в школу надо, седьмой класс. Перед тем, как уезжать, я пришла в свою 6-ю школу, где я с первого класса училась, и завуч сказала: «Выйди, мы поговорим». Позвала учителей. Я слышу, как она говорит: «Что поставим этой девочке?» Одна говорит:

«Четыре» — «Ставьте». В общем, они меня аттестовали за две четверти, кто что сказал. Мама взяла ручку и за третью четверть мне все пятерки поставила. Так прошла огни, воду и медные трубы и я явилась в женскую школу. Тогда женские были и мужские отдельно. Ну, я эту школу кончила на отлично между прочим, седьмой класс. Так что, я училась в этом седьмом классе, а ходила все в той же страшной шубе бабушкиной, вот какая-то кофточка, по просьбе только могла одеть, с заплатками. Потому, что я пела на вечерах. Я танцевала очень хорошо и была влюблена в очень красивого мальчика. Тот на меня и внимание не обращал. В чем? Отчим мне подарил кирзовые сапоги, сказал: «Это высший класс!» Я еще в кирзовых сапогах на сцене стояла и пела «Что ты жадно глядишь на дорогу...». Ну вот, кончился, значит, этот... еще не кончился по-моему, даже, или кончился... да, начинается лето, я с пятибалльным аттестатом семь классов окончила. Мама выходит на улицу, подходит к ней узбек, а город такой, знаете, как из фильма «Маленький Мук»; кругом горы снежные, узбеки вверх ногами, этими, наоборот на ишачках. Совершенно дикий город. Ни водопровода, арыки журчат, шикарные фрукты, вот такой. Туда потом ссыльных наслали в 1949-м году, там кого только было ни встретить: и жену адъютанта Жукова, там культура поднялась ого-го. Но это в 1949-м уже, а это 1948-й. Ну и, короче говоря, этот самый узбек маме моей говорит: «Твоя дочка так на узбечку похожа. Прямо черненькая, волосы длинные, а у меня сын. Давай их поженим?» А мне четырнадцатый год. Я вдруг из этого цыпленка какого-то там гадкого превратилась в более менее что-то такое, приличное, симпатичное. Мама приходит на полном серьезе: «Так, я решила что мы Лану замуж отдадим вот за узбека, Борэ его зовут. Вот отец его». Бабушка говорит: «Ты что? Ты вообще соображаешь? Испортить девочке жизнь, ей четырнадцать лет!» «А что? Она поедет в Ташкент, будет нам фрукты и овощи посылать». На полном серьезе. Отпало, бабушка заступилась. Потом, значит, второй экземпляр: «Ой, ты знаешь, я тут узнала — концертные бригады. Она же у нас и танцует, и поет, и вообще, отправим ее в концертную бригаду». Тут соседка пришла, жена какого-то инженера и говорит: «Галина Иосифовна, вы что, хотите девочке жизнь испортить? К взрослым людям, в концертную бригаду. Вы вообще понимаете, что вы хотите сделать?» Отпало. И тут начинается вторая наша беда. Сидим мы себе, так вот, как мы с вами, приходит штатский мужчина и говорит: «Галина Иосифовна», — она все ходит на эту самую, на отметку, ссыльная, и завела знакомств столько. Была Масленица, она: «Давайте сейчас блины!» Позвала этих всех ссыльных — врачей, педагогов вот этих, которые в Джамбул уже были высланы. И бабушка съела эти самые [блины]. Заворот кишок, больница — ей нельзя было это делать. Ну, ничего, осталась жива. И приходит этот штатский и говорит: «Галина Иосифовна, на полчаса можно Вас?» И все. И мы ее потеряли. Нигде ничего. Она попала в Карлаг. Вы знаете, что такое Карлаг? Лагерь для красавиц этих вот, особо важных заключенных. А мы ничего не знаем, куда. Увели и все. Значит, остались ее этот муж, бабушка, маленькая девочка и я. А она еще поросят купила, а они орут как бешеные — кормить нечем. Бабушка опять за рояль в семьдесят с лишним лет. А я что? Седьмой класс. Я в фельдшерскую школу. Высшего образования там не было. Там было этих четыре этих вот: стат техникум, вет- и фельдшерско-акушерская школа. И я туда, в фельдшерско-акушерскую школу на фельдшерское отделение, поступаю. Мне четырнадцать лет, а мамы нету. Мамы нету, проходит некоторое время приходят за ее мужем. Опять обыск, опять все, и его уводят.

00:54:16

А вы пытались узнать, где мама?

Бабушка ходила в НКВД: «Вот подойдите к тому окну, подойдите к этому». Она в обмороке приходила домой. Она из-за этого и умерла потом, в пятидесятом году. От этих окон. Ну и, короче говоря, этот мамин муж, он еще работал некоторое время, потому, что этих поросят я повела продавать, наврала, что им месяц, а им уже шесть было, а на них такая шерсть была как в шесть, а вид... кормить — травой кормили. Мы голодные все были, чем жить? В общем, его посадили. Я в этой фельдшерской школе, девочка маленькая, мама неизвестно, где. Значит, сижу я, второй курс, сижу на уроке, а бабушка все ходит в НКВД, все к одному окну, к другому. А соседку подговорили эти органы, и она... собака, как всегда, у нас прибилась и укусила поросенка, которого там кастрировали, и эта соседка висит на заборе и бабушке кричит: «Что ты тут ходишь, твоя дочь — враг народа! А ты здесь!» Ну, представляете, бабушке сказать? Любимая дочь, столько лет, второй раз арестована. Ни за что, без суда, без следствия, причем распространили слух, что она шпионка. Меня парень провожал говорит: «В этом доме живет, взяли шпионку, у нее столько платьев вынесли и целый мешок материалов по химзаводу». Химзавод строился, и она писала все время книгу, бумага была. Я так посмотрела, думаю: «Это же моя мама. Вынесли все это, распространили». А как это, человека посадили, он никого не убил, ничего не своровал.

00:56:15

То есть это ваш молодой человек был фактически, да? Который вас провожал?

Да.

00:56:19

И он не знал, что это ваш дом, да?

Нет.

00:56:22

И как? Вот вы подходите, да...

Никак, больше ничего. Вот показал, и на этом все наше знакомство кончилось. Ну, мне подставляли там все время казахов. Я помню, один вдруг за мной начал ухаживать, уже когда бабушка умерла. Я что-то сказала, и вдруг появились какие-то типа бандитов или кто-то, и он вдруг вот отсюда вытаскивает пистолет и стреляет в воздух. Он КГБшник был. Он меня уговаривал поехать с ним в Алматы, то есть, чтобы я опозорилась, и меня посадили. Ну, в общем, короче...

00:56:57

А в каком смысле опозорилась? Как? Что это?

Ну вот такая, легкого поведения, согласилась поехать, тогда же советское время было. Короче говоря, значит, сижу я, второй курс, сижу после... бабушка, утром ухожу, она говорит: «Мне что-то полегчало как-то». А все эти удобства-то на улице, ну и она пошла, вот у меня осталось только в памяти, она живая, как она пошла в этот туалет и мне сказала: «Иди-иди, занимайся в техникуме». И я сижу, бежит уборщица, говорит: «Сокольникова! Домой, срочно!» Ну, и я бегом-бегом по кочкам, все это. Там же никакого транспорта, никаких автобусов, ничего не было в этом Джамбуле. Я прибегаю, она лежит на диване, стоит девочка, ее ученица пятнадцатилетняя. Говорит: «Она покачнулась и упала. Я ее подняла, она как пушинка, я ее положила на диван». Она потом письмо маме прислала, как это, что было. И вот я осталась: бабушка мертвая, у меня ни копейки денег, как делать похороны — я ничего и знаю. Еще и девочка. И никого вокруг. Ну вот, техникум, потом ученицы. Нет, я говорю, еще и закапывала книги, которые сейчас Зоря экспроприировала безобразно. Потому, что когда мой отец был послан, то Бернард Шоу выпустил в одном экземпляре одну-единственную книгу свою. Красавица-книга, красный экземпляр, вся в звездах советских, в красивом таком футляре, и написано «Сокольниковой Галине от покинутой Англии. Бернард Шоу». То есть автограф, который ой-ей-ей. И Зоря его увезла вот сейчас, все нам. Мы намылились, и Таня, и я. Я не знаю, как она распорядится, это неправильно. Но бог с ней, у нее много правнуков, у меня нету. Пускай. Я не буду ни на что претендовать с этой книгой. Сначала обидно было, потому что я ее закапывала в то время, вот где поросята эти сидели, чтобы никто не догадался. Я эту книгу закапывала, потому, что Зоря приехала, когда ее отпустили к нам и сказала, что ей было предъявлено: «Вы хранили карточку врага народа». А эта карточка был ее отец, Серебряков, поэтому она говорит: «Все порвать, все книги и все закопать». Такой ужас был. Ну вот, а потом вот, сейчас вернусь к до смерти бабушки, значит, когда мама исчезла, исчез ее муж, и вдруг приходит открытка из Семипалатинска. Мы же в Джамбуле втроем. И написано, соседи: «Зорю Леонидовну арестовали, мужа ее арестовали, ребенок в доме малютки, — 1949-й год, — а квартира открыта. Приезжайте кто-нибудь». Ну и кто поедет, кроме меня? А у меня паспорта еще не было, пятнадцать лет. 1949-й год, мне только пятнадцать лет. И вот я еду в Семипалатинск. Прихожу в эту комнатку, продаю там какие-то вещи, которые крупные. Диван там, стол, все это продаю в комиссионку по дешевке, а забираю вещи, которые Зорины платья какие-то и маленького ребенка вещички. И в узелок это все. Ну и, там вот эти двести рублей за вот эту вот мебелишку скромную. И причем, я хожу к следователю, потому что две посылки я им сделала — белье, передала большие две посылки и поехала в детприют этот, к малютке. А мне врач говорит: «А мы вам не можем вам отдать этого ребенка». Он ко мне вышел, полтора годика ему было.

01:00:58

Это ваш племянник?

Да, вот сейчас ему шестьдесят с лишним лет. У него уже и внуки, и все остальное.

01:01:04

А вы решили его забрать?

Ну, конечно. У нас так не принято в семье было. Ну, и мне говорят: «У вас паспорта даже нет, вы сами еще ребенок. Кого вам отдавать-то, его?» И вот я сижу опять на вокзале, как тогда маму встречала, теперь в 1949-м я сижу в Джамбуле на вокзале, правда лето, с этим узелочком и с панамочкой, в которой двести рублей.

01:01:28

В Семипалатинске скорее, а не в Джамбуле. Вы же в Джамбул едете.

В Семипалатинске сижу, да. А живу в Джамбуле. И идет мимо бандюган, который, я знаю его по Джамбулу, узбек. Я думаю: «Ага, надо скорее деньги бабушке перевести». Я бегу на почту, из панамки эти деньги, не знаю, что я себе оставляла, я не помню, это так давно было, и, значит, продолжаю сидеть. Ко мне прибивается женщина лет сорока. Она гоняла скот куда-то, гуртоправ. Сидим с ней, сутки сидим, двое сидим — поездов нету на Джамбул и на Фрунзе, тогда назывался город. Что делать? Я боюсь звонить этому Зоринскому следователю, потому, что он сказал, Шверник издал закон в то время — если кто-то то из членов врагов народа попадает хотя бы год тюрьмы, идет следующий. А следующая была я. И он ей сказал, этот следователь: «Не отдавайте ей ребенка, ничего, она у нас почти на стуле». Поэтому, звонить ему и сказать, что я сижу двое суток, помогите — мне некому звонить. И мы с ней сидим. Вдруг приходит солдат молодой. Вы это читали, да?

01:02:44

Неважно, Антон не читал.

Приходит солдат молодой и говорит.

01:02:47

Все равно, мне рассказывайте

«Кто хочет в товарном вагоне? Мы едем в сторону Джамбула, Фрунзе». И эта женщина мне говорит: «Поехали». Я ничего не соображаю, что, оказывается, закон был еще — это 1949-й год, то есть, 1950-й — еще закон был военного времени: «Проезд и провоз на товарном в товарном вагоне карается годом тюрьмы». А я-то что знала? И мы с ней по шпалам к этому товарному вагону прыг и поехали. И поехали. Едем, я огляделась, в вагоне еще один молодой парень, этот солдат, еще солдат, значит, матрасы какие-то, буржуйка и сено накидано. Ну так, улыбаются: «Давайте в карты играть». Давайте, а что делать, мы уже в вагоне. Начали играть в карты, у меня на руке часы были, память об отце, швейцарские, почему-то, это еще его часы были, почему-то такая память была. И я проигрываю, конечно, они там мухлюют, что я, умею что-ли, пятнадцать лет. И они, значит, эти часы у меня с руки снимают. Потом этот парень второй, Николай — как сейчас помню, этот был Дима, даже запомнила, — говорит: «Ну ничего, к ночи я эту девушку использую». А времена не так, как сейчас — свободная любовь. И потом, бабушка мне все время: «Если что-то с тобой случится, у тебя вот Таня стоит, семь лет. В подоле принесешь». Это все время разговор, потому что я очень хорошо танцевала, а единственное развлечение в Джамбуле была танцплощадка, и я там была знаменитая. Я, когда приходила, был специально мужчина один, узбек, который меня приглашал танцевать, и мы шли танцевать, и все расступались и аплодировали. Потому, что тогда танцевали мазурку, паде-катр, падеспань. И я прекрасно, ну, это то, что в детстве было заложено. Ия в ужасе от его этого заявления. «Что делать?» А вот так открыта дверь вагонная. Думаю: «Вот сюда я сигану к ночи». Думаю «Бедная моя бабушка, что с ней будет. Все посажены, Таня маленькая, и она на ладан дышит». Ну, а что делать? Эта баба в ноги бросилась им: «Используйте меня, ребята, ее оставьте в покое». Но ничего — «нет» и все. Вдруг поезд так — это все отец с того света, конечно, я понимаю, мне помог — тук-тук-тук и остановился. И они говорят: «Так, быстренько вниз, делайте свои дела под вагоном». И мы с ней спрыгнули. А я вообще одета была, ну это вообще. Значит, от маминых еще каких-то времен, не знаю, чего, у меня была такая, темно-синяя блестящая юбка, такая широкая, какая-то необыкновенная кофточка, потом, черные волосы ниже пояса, приколата здесь такая вот то-ли роза из лент, то-ли что. Ну цыганка, вообще неизвестно, какая, из какого табора. И мы, значит, с нею туда прыгнули, и я так поворачиваю голову — Антон. И прицепили два вагона. А вагоны-то зарешеченные, для заключенных, и стоят там на ступеньках охраннички в синих, КГБ. Они нас увидели — под вагоном две женщины. Не прошло и десяти минут, как у нас в вагоне с автоматами пришли КГБшники. И этим ребятам: «Вы почему провозите в товарном вагоне? Вы не знаете постановления партии правительства?» А нам: «Так, пошли». И этот парень — Дима, второй, сунул мне в руки мои часы. И нас повели под ружье, и я с этим узлом с чужими вещами и сама, как цыганка. Привели туда. Там сидит следователь весь из себя, который командует этим всем составом. Они куда-то заключенных возили, 1949-1950-й год. Второй 1937-й. «Так, кто такая? Развязывай вещи. А, воровка, воровка». Чужие платья взрослые, Зоря-то выше меня, детские вещи, ну и на букву «п» — села к мужикам. «Ты почему села к ним? У тебя даже паспорта нету. Легкого поведения?» Вот ужас и кошмар. А я же не могу сказать, что у меня все посажены по политической статье, 58-я. Ну едем, приезжаем. А им мы зачем? Станция Матай. На всю жизнь я запомнила — вот так песок, станция Матай, под ружье и в следственный изолятор нас с ней. Сидим. Вызывает следователь. «Значит, такие сякие», — опять все тоже самое, что тот сказал — развяжи вещи, воровка. Если бы ты честная девочка была, ты бы не села к военным. Ты знаешь, что [за это] год тюрьмы?» А я не знала, от него услышала. Я, значит, думаю, что делать, что делать? В общем, кошмар, еще дня не прошло, как вот это все, они нас сняли и все. И вдруг у меня в голове компьютер, конечно, это мой отец, и я вдруг заявляю этому следователю, я говорю: «Знаете, что, у вас есть тут, — господи, на этой станции ничего нету, —

у вас есть тут врач или медсестра? А ну-ка, пригласите врача или медсестру, и пускай меня проверят, и вы узнаете, что я не легкого поведения». Он все ожидал, но такого! У него вот так глаза, знаете, так «ааааа» поехали. Он так телефон подвигает, берет трубку: «Касса! Сейчас придут две женщины в сторону Фрунзе. Выдайте им два билета». Ну вы представляете? Я вышла, а там, на этом, какие-то продавал пирожки там все это, горячее. Выходят же пассажиры. Такой слащавый какой-то, такой черненький, то ли армянин, то ли азербайджанец: «Девушка, я тебя заметил! Идем ко мне, будешь вот выносить поднос прямо к поезду. Оставайся!» Ага, сейчас, я прямо осталась тут. Приезжаю, у бабушки уже два приступа было сердечных. На третьем она, конечно, умерла. Вот, у меня еще такое приключение. Я, конечно, бабушке не рассказала. Но она в ужасе была: «Что ты, куда ты...» и все это.

01:10:03

А вообще, какие у вас с бабушкой были отношения?

Ой, хорошие отношения. У нас бабушка ангел, ангел. Мы ее звали «Буся». Она Бронислава Сигизмундовна. А так как мама в шестнадцать лет Зорю родила, то она осталась так «Буся». Понимаете, не «бабушка», а «Буся». Ну, я про себя могу, что она вот здесь перехоронена. Мой муж поехал, выкопал все ее останки в Джамбуле, сюда перевез. Я просила и мама просила. Понимаете, она мне не уделяла того внимания, конечно, потому, что ей надо было вот это вот все. Потом, я была благополучный ребенок, вы понимаете? А благополучные дети, они как-то нелюбимые. Вот я заметила это. Вот маленькую она обожала, потому, что она ей досталась маленькая, уже за семьдесят лет, а ей мама родила. Зоря ей досталась, когда мама вышла за Сокольникова, она ее взяла к себе жить. А я? Не поймешь, чего, да еще положительный, только одни удовольствия. То приходите — танцует она, получает грамоту, то она это, то она то. Ну конечно, я теперь вот, по старости, уже понимаю, что, конечно, ей... как она управлялась, ведь ни домработниц, никого же не было. Как она управлялась с домом, сидя все время за этим роялем?

01:11:30

Она какого года рождения?

У нее на могиле здесь написано 1877-й год. Я повторила ее жизнь лично. Понимаете, она влюбилась в этого вот деда моего. Он какой-то, необыкновенного обаяния, лицо у него абсолютного Христа, а ростом маленький он был. И он в сорок лет ее бросил и женился на молодой. И она больше не вышла замуж. Она жизнь посвятила нам. Я повторила ее историю, я тоже в сорок лет осталась вдова. И повторила историю, поставила свою, так сказать, карту на дочку и внука, потому, что у меня никогда не было семьи, и мне хотелось чтобы хоть дочка как-то... но, моя семья получилась — это сейчас я перейду к этому моменту — тяжелая. Двадцать лет у меня было мусульманских, очень тяжелых. Ну так, видно, бог распорядился. Сначала сирота, потом вдова. Ну, в общем, короче говоря, я тут, в техникуме, получаю «второй урок уже так сказать истории». Учусь я, конечно, на «отлично», но не комсомолка. А весь техникум комсомольцы, одна я. А чтобы быть комсомолкой, нужно выйти и всем рассказать: «Мои родители враги народа». А как я так скажу? Я ведь не знаю, собственно. Понимаете? Как я так скажу о своих родителях?

01:13:05

А у вас кто-то так делал?

Это такой порядок был. Весь техникум собирается вот так в а зале огромном, а там кто сидели? Простите меня, казахи, которые там вообще два слова не могли связать, из дальних аулов приехали в этот техникум, и я перед ними. А у меня где-то всегда сидела какая-то гордость, какая-то интеллигентность. Понимаете? Для меня вот это вот выйти, вот это вот сказать это все... меня возили в горком: «Девушка, ну что такое, вы отличница. Наверное, кандидат в мединститут. Вы же мечтаете?» — «Да, мечтаю» — «Ну не комсомолка же» — «Ну, не комсомолка». И вот меня вызывает это завуч, Утконос. Я уже без бабушки, я ночами грузу вагоны — я грузила вагоны с арбузами, каждый арбуз нужно было перебросить.

01:13:59

Это вы после смерти бабушки?

Ну, а как жить? А как было жить? Яблоки и хлеб подруга мне приносила. И вот, я зарабатывала. Ночью грузила арбузы, а днем обирала сады в совхозе, и там удивлялись, что я умею работать тяпкой. Со мной была подруга из простой крестьянской семьи. Когда мы пришли устраиваться на работу в совхоз, нам сказали: «Умеете окучивать кукурузу тяпкой?» Я сказала: «Умею». Я маленькая, она высокая, не могу вот сейчас ее найти на Украине. А эта говорит: «Вот это пришла дочка, небось, каких-нибудь там, —ну тогда слово «инженеры» это

вообще, — а ты просто так пришла и не умеешь тяпкой работать». А почему мне тяпка то досталась: когда маму посади и этого мужа ее этого посадили, остался огород за городом с кукурузой. И я поехала убирать этот огород, привезла всю эту кукурузу, все эти початки мы ели, а стебли, мне ребята — в меня вечно все были влюблены в округе, мальчишки — они мне сделали сени, чтобы с улицы не входить зимой, холодно. Сени были из этих кукурузных стволков. И вот вызывает этот завуч меня.

01:15:28

А почему вы его «утконосом» назвали?

А так его мы звали. «Утконос». У него такой нос был, и он был хромой. Не знаю, после войны или как.

01:15:35

Это уже какой год?

Это фельдшерская школа, это перед концом... значит, я закончила фельдшерскую школу в 1952-м году, а это, значит, или начало 1952-го или 1951-й, вот так. Это у меня уже любовная история была, о которой долго надо рассказывать, это вообще кинофильм, с узбеком, знаменитым потом стал, помощником президента Рашидова. И он [завуч] мне говорит: «Сокольникова, а ты не старайся госэкзамены на „отлично“, мы же тебя не пошлем —девчонке 17 лет, — ты же дочь врагов народа — раз, да еще не комсомолка — два».

01:16:18

В каком смысле? «Не пошлем учиться в институт?»

Не пошлем. Если я была бы отличницей, то пять процентов едут в Алматы в институт. Я пришла на госэкзамен по гинекологии и говорю: «А я ничего не знаю, ставьте „два“. Этот узбек, у нас был, он глаза вылупил и говорит: «Сокольникова, ты всегда отличница была, что это такое?» Я говорю: «Каримович, — забыла отчество и имя, — ставьте мне „два“, я ничего не знаю». — «Ладно, иди отсюда, „четыре“. Ну и синий диплом из-за этой гинекологии. Я пишу заявление: «Прошу послать меня в степи Сарысуские». А Сарысуские степи, это было сто, ну не сто, но процентов восемьдесят бытовой сифилис. То есть, они были еще девушки, парни они незамужние, через стаканы, через все передавался сифилис в 1950-е годы. Сидели с разъеденными ногами, с язвами. Вот я туда попросилась. Опять меня вызывает Утконос: «Сокольникова, ты что? У тебя девочка на руках семи лет. Какой Сарысуский район? Поедешь в Джамбульский район». А я там на практике была, в этом Джамбульском районе. У меня муж всегда, когда смотрел карточки из этой практики, он всегда плакал. Значит, у мамы было пальто когда-то, в какие-то времена, такое серое, без подкладки, почему-то, и такая же какая-то шляпка. И вот, я в мороз, представляете, на практике, 1952-й год. Снег, я стою с девушкой, которая в шубке, в шапочке для Сибири, я стою в этом пальто без подкладки, в этой шапке, а на ногах у меня туфли, в которых эти самые, галоши, по дыре там, в этих галошах, чтобы не попадал снег туда — каблуки вставлены. Вот такая юность замечательная. Ну и все, и я поехала отрабатывать в восемнадцать лет в совхоз. Приехала в этот совхоз, а в советское время же отрабатывали: два года отработал после техникума, приезжает следующая смена. Фельдшер уехала — значит, должна приехать я. В этот момент уже выслали Зорю, меня уже на допросы ночью не вызывали. Потом маме сказали, когда уже с мамой познакомилась здесь, мама мне рассказала, что в это время к ней пришел в камеру во Владимирском центре, она сидела с Руслановой Зоей Федоровой, и сказал: «Надо же, какая у вас советская средняя дочь, откуда это она такая советская? Мы ее так проверяли, так проверяли — ничего не вышло».

01:19:19

А как это вас вызывали на допросы?

На допросы ночью вызывали.

01:19:23

А расскажете об этом поподробнее?

Вот когда бабушка умерла, меня начали вызывать на допросы: «А ты не хочешь найти свою маму?» А у меня была такая история — когда я поступала в техникум, со мной поступала девочка, еще меньше ростом, чем я, недокормленная такая. Ляля Брейн. И девочка говорит: «А мы живем в сарае у узбеков». Я говорю: «Как же вы зимовать-то будете в сарае у узбеков?» — «Да мама моя... у нас еще есть сестренка, и еще сестренка от узбека. А в 1937-м году папа, будучи парикмахером, рассказал анекдот, и с 1937-го года по 1949-й мы скитаемся по Средней

Азии. Нам из Москвы присылают старые вещи, продукты. Вот мы сейчас живем, маму нигде на работу не берут, потому, что она немножко тронулась от ужаса, и мы будем зимовать в сарае». Я пришла и бабушке сказала — бабушка жива была — я говорю: «Буся, давай пустим из, вот в эту, где лежанка и плита была, давай пустим туда семью на зиму. Как они будут зимовать? Бесплатно, давай». Бабушка сказала: «Конечно». И они вот там жили. И когда она умерла, понимаете, на могиле мне прямо — это вы то же читали в моих интервью в обоих — на могиле прямо мне эта соседка, вот которая бабушке говорила: «Твоя дочь враг народа», она мне сказала, что «приходили из горкомхоза, у тебя дом отберут, — потому, что бабушка Бык-Красуцкая, мама Серебрякова, — а ты Сокольникова. Это не твой дом. Вторую девочку заберут в детдом, а тебя сделают ссыльной». И я начала заговариваться, прибежала к этой женщине, которая у нас жила, она мне сказала: «Есть адвокат, иди к нему», и я ночью прибежала к адвокату, который, оказывается, воевал в 1920-е годы под руководством моего отца. Надо такому быть. Он мне все сделал, все. И еще выигрыш выпал у нас, пять тысяч. Выигрыш надо было получать в день смерти бабушки. Он нам выигрыш разделил с этой младшей сестрой. «Не говорите про Зорю, что она там сидит в Семипалатинске». Ну Зоря приехала, все пересчитала, все у меня отобрала. У нас всегда так — вот полдома Зориных, а у меня пятьдесят метров. Потому, что я опять пришла к этой Лялькиной маме, говорю: «Меня вызывают по ночам и днем, и всяко». Она говорит: «Не подписывай никакую бумагу. Вот тебе дадут бумагу, что ты маму ищешь, на ней ничего не будет написано, не подписывай ничего». И я ничего не подписывала. Они мне совали бумаги, они мне все. Если бы я чего-то там написала, совсем было бы все другое, что я проводила антисоветскую пропаганду, еще что-нибудь.

01:22:24

А вот что они кроме, того, что вы маму пытаетесь найти, хотите ли найти, что они еще спрашивали?

Ничего. А что можно спросить у девочки было?

01:22:33

Ну они, если они так долго вас вызвали, что вообще, о чем...

Не, это не очень долго было. Это, может быть, было вызовов пять-шесть, вот так вот это было.

01:22:45

Ну, то есть они просто спрашивали и все?

Им надо было, чтобы я что-то подписала. Они так бабушку угробили. Это я немножко уйду в Зорину историю. Они бабушку заставили подписаться под пустым листом, на котором потом написали показания на Зориного мужа. Ему двадцать пять лет, потом десять дали. Бабушка не знала, что она подписывает. «Вы, — говорит, — с ним жили, откуда значит вот можно знать, только от вас». И она подписала. Потом мне рассказала. Это ее угробило в конец. Поэтому, я это знала, что пустую бумагу нельзя подписывать. А я должна была пустую бумагу, вот это дурочка. А там бы бог знает, что про меня было написано. Вот они меня так проверяли. Они маме сказали: «Откуда она такая советская у вас?». А мама сказала: «Ее воспитала бабушка, а бабушка у нас была коммунистка». Вот так мама мне рассказала. Так что, я была на проверке. И еще, вот этот кавалер вдруг появился, который вдруг выстрелил из маленького пистолета. Вот здесь [пистолет] оказался. Звал меня все время уехать с ним. Ну, в общем, короче говоря, я попала в этот совхоз. Там была десятикочная больница. Восемнадцать мне лет, я на должности врача. Да, врача не было. Значит, одна улица и по краям бараки. Я должна была жить в комнате вместо с уехавшей фельдшер, вместе с агрономшей, женщиной. И вдалеке магазин, и вдалеке больничка на десять коек, и школа. Вот и все. Страшное озеро Беликуль, все в комарах, и еще ветер, он назывался «бер-кара», то есть, он вот подует — один раз посмотришь, больше не посмотришь. Глаза полные будут уже песка. Все удобства на улице. И вот я приехала, значит, там еще срок акушерка свой отбывала. Я прошла по этой улице, в окно посмотрела на меня эта, как она, агрономша и побежала сразу к директору совхоза: «Мне эту не селите. Я уже два года мучилась там с этой, хватит. Я хочу жить одна. Я у вас давно работаю». Старая дева — двадцать девять лет тогда это старая дева была — из Центральной России.

01:25:30

Это какой год?

Это 1952-й год. 1952-й год, мне восемнадцать лет. За год до смерти вождя. И он говорит: «Ну ладно, Нина Степановна, что-нибудь будем ей искать». Потом я приезжаю в Джамбул, Зоря выводит мне вот эту Таню и говорит: «А теперь ты ее воспитывай. Бери с собой и вези. Она очень тяжелый ребенок. Мне не надо». Ну и все, я взяла эту Таню, по этой же улице мы идем с

Таней вдвоем, плетемся, в окно смотрит эта же Нина Степановна. Вдруг она выбегает, бежит опять к директору совхоза и говорит: «Я беру эту женщину к себе жить». Он говорит: «Слушайте, Нина Степановна, только что вы...почему вы ее берете?» Вкратце скажу, мы очень хорошо с ней эти полтора года я прожила. Умер вождь, я решила вернуться в Джамбул, поступить в вечернюю школу и получить высшее образование. Мы с ней хорошо [поладили]. Я там самодеятельность организовала, купили мне пианино. В общем, там было все, полные карманы любовных записок, там приходили молодые греки высланные, такие ребята хорошие, немцы, кого я только не насмотрелась тогда. Спецпереселение было. Ну вот, а тогда она мне потом рассказала. Значит, она не надеялась выйти замуж, и раз в неделю у нас ходил такой автобус в город, она поехала в город, и к ней подошла цыганка и сказала ей: «Ты выйдешь замуж, и у тебя дети будут, но ты для этого должна в свою комнату впустить двух несчастных детей». И потому, когда я пришла одна, она побежала, что не возьмет, а когда она увидела в окно, что нас двое.. и она вышла замуж и родила двух сыновей, пока мы там жили. Потом я переехала, фиктивный брак у меня был, Зоря была вне себя, потому что меня там воровали, казахи меня там хотели, один хотел на мне жениться журналист, в общем, там такое происходило...

01:27:44

Это вот в этом вашем?

Вот в этом Беликуле такие романтические прошли у меня истории, что ой-ей-ей. Зоря испугалась. И когда приехал вот этот вот, который испугался моей биографии на всю жизнь, я вышла за соседа вот, в мусульманство, она говорит: «Давайте, помогайте, скажите, что вы на ней женитесь, она уезжает в Москву».

01:28:06

Это что? Что это вот женитесь, уезжает в Москву? Это вот как это произошло?

А это произошло, купили поллитра, пошли в райздрав, выпили. Да и был приказ «фельдшера освободить в связи с выходом замуж и отъездом в Москву». Я приехала в Джамбул, стала с Зорей там вместе жить. Быть ее домработницей. У нее ребенок этот маленький был, эта девочка была. Потом она меня отселила в комнату. Год я пускала к себе на лежанку девушку, голодала. И, значит, началась моя уже жизнь, которая закончилась замужеством. Эта была жизнь по фильму «Весна на заречной улице». У меня только так все, потому, что соседям, когда испугался меня вот этот парень, достойный, так сказать, который потом был помощником президента...

01:29:07

А что это было? Вы, по крайней мере, вкратце расскажите.

Ну это очень такой роман, сложный.

01:29:11

А почему? Почему он испугался? Вот это вот.

Из-за родителей. Из-за того, что он был секретарем парторганизации в Москве, в институте учился. Он хотел сделать карьеру, он ее сделал. Он учился в пушно-мех институте [Московский пушно-меховой институт], а хотел быть партийным и он стал партийным. Зато он три раза был женат, в двадцать девять лет четверо детей, жена умерла, вдовец был. Вот наказывала судьба. Потом на русской, на враче женился, она оказалась шизофреничка и, наконец, вот уже когда мама умерла вот здесь, мы танцевали, я ему высказала все, что случилось в 1950-м году, когда он мне сказал, что Зуфаров и Сокольникова — не могут быть соединены фамилии.

01:30:01

А он за вами ухаживал?

Это вообще кино бесплатное, мне было четырнадцать лет, когда мы приехали в Джамбул. И мимо нас ходил мужчина А я, все-таки, дочь писательницы, и отец у меня хорошо писал, вон, «Брестский мир» — какая у него книга интересная. Я увидела, ходит парень мимо нас каждый день в одно и то же время, в черном костюме, вот такой весь, узбек или не узбек, белое лицо. В общем, мне показалось, что это восточный [поэт], знаете, Низамир, там значит вот этот Навои, вот что-то такое, необыкновенное. Так как семьи у меня сроду не было, мужчину я в доме не видела, ни отца, ни брата, никого, и я два раза погорела на том, что я не знала, что такое алкоголизм и на том, что я не знала вообще мужчин, понимаете. И вот, я начала в щелку, когда он идет, смотреть. И все время смотрела, а потом он исчез. Исчез и исчез. Потом я

начала наводить там, на танцплощадке, всякие справки, и мне кто-то сказал: «А его послали как отличника в Москву, он учится в Москве, в Балашихе, в пушно-мех институте». Понимаете, я уже учусь, уже приехала в Джамбул после своего этого приключения в этом, в Беликуле вечно. Ну вот, так как я танцевала очень хорошо, и один раз на танцплощадке летом в 1953-м году... подождите, семнадцать лет мне когда было, если я 1934-го... в семнадцать лет мы с ним

01:31:42

Ну, это еще не 1953-й, да.

Нет, все таки это 1953-й, потому, что я в двадцать лет вышла в 1954-м замуж. Это как раз девятнадцать лет.

01:31:51

Девятнадцать, значит.

И, значит, танцую там, как всегда, все аплодируют. Вдруг подходит ко мне мужик такой, пьяный, берет вот так за руку, вот так как раскрутил, и я чуть не упада. Представляете, просто из публики? И в этот момент, вдруг, в эту танцплощадку выскакивает в черном костюме мужчина, хватает его, выбрасывает его с танцплощадки, по-узбекски что-то ему говорит, и тот помчался. Подходит ко мне. О, боже! Это тот парень, за которым я столько лет следила, и который уехал в Москву. И я думаю: «Вот это да!». Он говорит: «Так, надо уйти отсюда, пойдемте, я вас провожу». И он меня провожает. А я в этом, Зоря уже в ссылке, работает в совхозе, ей не разрешали работать с красным дипломом МГУ, она в совхозе, и я в доме почему-то была одна в этот момент. Он меня приводит домой. А я впервые в жизни и последний раз накрашила свои ресницы тушью, а какая тушь была в советские время, это ужас был. И у меня, оказывается, от того, что этот меня раскрутил, были, наверное, слезы, и все вот так потекло. А я-то не знала. И он меня заводит в этот наш домик саманный, подводит к зеркалу, а он старше на пять лет, и говорит: «Посмотрите на себя в зеркало». О ужас. Вот это вот все течет, я быстро все ликвидирую, и он говорит: «Вы такая симпатичная девушка, у вас такие глаза красивые, волосы, зачем вы накрашили глаза?» Вот на всю жизнь. Я никогда не крашу больше тушью. Вот на всю жизнь отрубилось. А потом он так смотрит и говорит: «Боже мой, в Джамбуле концертный рояль на всю комнату стоит? Пушкин, Блок. Кто ваши родители?» А я стою вот так: «Враги народа мои родители. Мои родители враги народа». Он: «Это то что такое?» Он это ничего не знал. Я говорю, вот так. Он: «Ну ладно, я приеду в Москву, вы мне подробно расскажите, что это такое за „враги народа“. Потом говорит: «Вы играете на пианино?» Я говорю: «Конечно играю» — «Сыграйте мне чтонибудь». Я говорю: «И пою!» Он говорит: «И спойте». Я из «Кубанских казаков» спела, сыграла, в общем, он меня еще поцеловал и сказал: «А ты и целоваться-то не умеешь». Ну что, первый такой вот кавалер. И все, он уехал в Москву. Я как этот, юный пионер, ни с кем не встречаюсь, жду писем, а у него тут женщин навалом оказалось потом. И он приезжает, узнавши здесь про Сокольникова, про Серебрякову, и ку-ку. Ко мне не приезжает. Ну, у нас не было ничего, конечно, и никогда в жизни не было, слава богу. Так, один раз что-то наподобие, ну и все, за весь огромный промежуток. И он приезжает и там на велосипеде какую-то девушку вдруг катает. Мне все это докладывают. В общем, короче говоря, он вдруг приходит. Приходит и уже все, и в Москву не приглашает. А что в Москву приглашать? Оттуда высылают, а я туда поеду. В 1950-е годы. И он уже ничего такого, потому, что он секретарь парторганизации своего факультета. Ну и все. А я сказала: «Я выйду замуж за дворника, за кого угодно, который не скажет, что я дочь врагов народа».

01:35:42

А вообще у вас была какая-то, разговор, когда, вот он сказал какие-то решающие фразы? Вот то, что вы говорили, что это был за разговор? Ведь вы как-то выяснили отношения.

Никак. Мы выяснили их, когда он вот сюда ко мне приехал через много-много лет. Мама умерла, мы здесь танцевали, и я ему напомнила. Я молчала. Я все поняла. Я умная девочка была. Я все поняла, что он испугался и испугал меня на всю жизнь. Я сказала, что я выйду замуж за дворника, за кого угодно, который скажет, что «я не боюсь дочери врагов народа», что я и сделала. Из-за него. Он мне сломал. Еще был, вот это называется «третий урок». Нет, у меня урок был еще в пятнадцать лет в Джамбуле, когда умерла бабушка, я стояла около арыка — около арыка мы там и стирали, и мыли посуду, и все — подошел такого маленького роста спецпереселенец, чеченец, и говорит: «Девочка, как твоя фамилия?» А я уже боюсь говорить, после Семипалатинска девяти лет. Я говорю: «Сокольникова». Он говорит: «А ты знаешь, что твой отец на деньгах расписывался?» Я говорю: «Нет». Посмотрела — ничего нигде не расписывалось. «Я работал в банке в 1920-е годы, и на деньгах 1923-го года было написано „Г. Сокольников“. Вот такой еще был урок. Это был третий урок, вот с личной жизнью четвертый,

и вот здесь, в Министерстве обороны в 1981-м год я получила пятый урок, как жива осталась. Так что понимаете, разговоры... я долго все держала это в себе. А потом, значит, рядом жили татары, там оказывается, мама татарка была выкрещенная, они меня знали с четырнадцати лет. Как мы поселились. И ее средний сын был в меня влюблен как мальчик. Вот эти сени из кукурузы — это все он. А у него старший брат, будущий мой муж, он в армии был, красавец такой, Сличенко номер два. Развязный такой, и уже вот это, оказывается, а я-то не знала. И приехал этот старший брат. А мы как всегда где? На танцплощадке. И около меня кто? Его младший брат, вот этот вот Зинар. И вдруг открывается этот самый, там танцплощадка, и прямо ко мне идет вот этот, из армии пришедший, старше меня на четыре с половиной года, этот красавец идет. Смуглый, вообще необыкновенно был симпатичный. Идет ко мне и этого спрашивает: «Ты тут с кем?». «С подругой», — говорит. «Можно я ее приглашу танцевать?» Провожает меня домой, а у него женщин обвисло там было, и он меня так к себе притягивает, а я ему пощечину и говорю: «Я не птица вашего полета!» И мы расстались. Расстались, все. Я его еще вижу, что он с одной женщиной, с другой, ну как после армии наверстывали все ребята. И вдруг идет картина «Весна на заречной улице», а я уже учусь в вечерней школе в девятом классе, чтобы получить высшее образование. Тогда же как, все мечтали о высшем образовании. И работаю в санэпидемстанции. И вдруг, открывается дверь, и стоит он. И говорит мне: «Помогите мне учиться. Я решил, что это такое, у меня всего шесть классов, я токарь шестого разряда». Великолепный, кстати, в войну ему подставляли чурбачок, он эти вытаскивал, станки, на станке снаряды. Семья неблагополучная, в отношении отца. И говорит: «Помогите мне, я пойду и сяду в вечернюю школу. Вы в каком классе?» А уже идут занятия. Я говорю: «Я в девятом» — «А я пойду, сяду в шестой, но только вы мне поможете». Ну что мне было делать? Я говорю: «Помогу», и началось. Ежедневно вместе. Он смену отработывает токарем и ко мне, а в девятом классе уже, ну уже теперь мне восемьдесят лет скоро, и я понимаю, могу сказать, что там весь класс был в меня влюблен почему-то, мужики в вечерней школе. Я прихожу, он приходит в шестой класс, и все перемены мы стоим с ним на лестнице. О чем мы говорили — не знаю, с этим моим будущим мужем. Ля-ля, ля-ля. И вот приходят ребята: «Сокольникова, ну что это такое? С кем ты стоишь?» Он маленький был шпаненок. «И вообще, ну что это такое?» Ну ладно. Кончается девятый класс, он заканчивает шестой, экстерном сдает седьмой, получает аттестат, а я уже влюблена вот так. Там уже, ну ничего интимного не было, поцелуи бесконечные, ночи. Его мама меня как-то поймала, говорит: «Не вижу своего сына, то на работе, то у тебя». Ну шуткой. Никто не думал, что он возьмет не татарку, у них вообще это не принято было, никогда. И, в общем, короче говоря, он говорит: «Я мечтаю в Ташкент поехать, там есть индустриальный техникум, полное гособеспечение, очень красивая форма». Очень красивая, синяя такая, как прям военная. И говорит: «Надо сдать только токарное дело». А он 6-го разряда, ну он же такой взрослый, двадцать четыре года. А, и говорит: «Так мне хочется мастером обучения потом быть». Я говорю: «Все, давай пошлем потихоньку документы». И мы потихоньку, никто не знает. А Зоря моя...привязывала меня к дереву, чтобы я только с ним не встрелась.

01:41:48

Серьезно?

Ага. «Мама меня убьет, если узнает, что ты в такую семью попадешь. Да он тебя бить будет, да он материться будет», — между прочим, все случилось. Привязывала к дереву. Я: «Да-да, честное слово, сейчас придет — я не пойду». Он у калитки — я отвяжываюсь и бегу. Поэтому мы втихаря послали его документы и втихаря подали заявление в ЗАГС.

01:42:16

Это вам сколько было лет?

Двадцать

01:42:19

Это какой год?

Это 1954-й. И представляете, мы поехали с ним в Ташкент, его, конечно, на ура приняли, а мне что делать? А у меня десятый класс еще. И вот, я заканчивала десятый класс, была татарская свадьба. А летом он приехал, у них начался татарский праздник, все передрались, алкоголизм полный, с вилками друг за другом, отец за сыном, сын за отцом. Я как это все увидела — и в траву упала. И слышу над собой голоса: «Коля, ты зачем такую интеллигентку взял? Она в траву упала от того, что мы так хорошо празднуем». Я все поняла, куда я влезла. Ну мало того, что, когда свадьбу сыграли, если входил мужчина, мне на голову платок одевали. Дочь Сокольникова. В этот момент мой этот вот будущий карьерист, сначала он приехал и узнал, что я с ним встречаюсь целый год, и он пришел и говорит: «Неужели ты встречаешься с этим Тартыковым?» Я говорю: «Да» — «Да он же хулиган у нас в школе был. Он на пианино ногами

играл и потом висел за окном, а вся школа искала, кто играл ногами на пианино. А я в это время был отличник». Ну вот, а потом, когда это все, произошла вся эта драка, вот это все, я работала летом массовиком. Перед десятым классом. Получалось, что он без меня должен был там год жить. И я сижу в этом парке, такая расстроенная, что я увидела, что я совершенно не готова к мужскому обществу, что я не знала, что такое водка на столе, такие праздники, все это ужасно. «Вот тебе адрес, Ташкент, Старый город, там живет моя сестра. Все знают, как я в тебя влюблен, и твой портрет висит у нас на стене». А у меня портрет был — та еще красавица. Этот какая-то единственная была фотография, и я там сфотографировалась, они вот такой сделали портрет, ретушировали и вывесили на улицу, и он купил. Ну и, короче говоря, он мне дал этот [адрес] на всякий случай. «А я уже назначен секретарем совхоза по полит[ической] линии и квартиру получил». Понятно? Ну в общем, закончила я десятый класс, надо ехать к мужу. Не буду одну подробность рассказывать печальную. В общем, короче говоря, моя свекровь отправила меня с чайником и с рваным одеялом. «Вернешься — будешь ползать!» Мама не реабилитирована, с мамой я не знакома. В таком виде я еду в Ташкент, потому, что я знала, какая малейшая была возможность — я ездила в Ташкент к мужу, когда училась в десятом классе. Один раз попала в вагон к знаменитому Леониду Когану, скрипачу. Он меня в свое кафе, в купе приютил — не было билетов. И я видела, какие девчонки вьются около моего мужа там. Думаю: «Четыре года он будет без меня учиться, да ну, а я буду у татар тут жить, мучиться». И я уехала, приехала, он, конечно, был в ужасе, потому, что было сказано, что, значит, прописки нет, работы нет, ничего нет. Я все сделала. Я нашла квартиру рядом с техникумом, я нашла работу, прошла там очень серьезную аттестацию. Но я рассталась с первым ребёнком, а тогда за то, что я рассталась — мне помогли в консультации — сажали в тюрьму.

01:46:34

А как же они тогда помогли?

А они мне денег нашли, нашли, кто все это сделал, в общем, я рисковала страшно.

01:46:40

А, ну то есть, это было подпольно?

Да, я не могла вернуться к свекрови. Это было ужасно. У меня было безвыходное положение: свекровь — «приползешь», мама не реабилитирована, только-только вышла, еще не реабилитирована, не в Москве. На работе была предупреждена: «А вы не в положении? Нам нужна медсестра, которая будет по участку ходить». И на квартире медсестра — проходная комната — «с детьми держать нее буду». То есть, ну вот караул. Хотя я, фельдшер, знаю, что если первого ребенка не родишь, можно на всю жизнь остаться без детей. Я вот так вот рискнула.

01:47:23

Это какой год?

Это 1955-й. 1955-й год. Я когда туда попала, у меня было, конечно, страшное отравление, все было неправильно сделано, и меня там предупредили, что «пойдешь в тюрьму — не рассказывай, кто тебе все это сделал».

01:47:40

А это тогда было с каким-то наркозом или без наркоза?

На столе лежал приказ, при Хрущеве, «отменить за аборт наказание». И буквально уже месяц был такой приказ, и меня не посадили, ничего. Рыдала долго, плакала, и потом бог послал, буквально через полгода я почувствовала, что у меня будет вот моя дочь. Я сказала: «Буду ползать, буду хлеб с водой есть, только больше такого не повторится». Вот такое я еще пережила. А этот все время ко мне ходил, мой этот. Ходил ко мне все время, уже был этим, секретарем серьезным, этим партийным. Все время ко мне приходил на работу, и все считали, что это мой муж. Моего никто не видел, он приходил ко мне днем и говорил: «Тебя накормить?» И мы шли, и он меня кормил. А потом, когда у меня начал животик образовываться, он пришел, посмотрел и говорит: «Лана, а что это такое?» Я говорю: «А скоро еще и не то будет». И он говорит: «А я третий секретарь огромного района Узбекистана, уезжаю». И вот, он уехал и первую же прямо вот попавшуюся какую-то дальнюю-дальнюю родственницу и сыграл с ней свадьбу, и у нас дети были ровесники. Я родила — и у него двойня, сын потом в Афганистане. Представляете, он все время меня держал. Даже вот совсем недавно, уже когда была перестройка и все на свете, мне дочь вдруг позвонила и говорит: «Мама, ночью кто-то позвонил в квартиру и сказал: „Мне Лану“. Она говорит: «Два часа ночи — «А ты, кажется, Аня?» Он один раз мою дочь видел, приезжал в Москву на какие-то

совещания. Она говорит: «Я Аля. Мама живет в Переделкино, теперь всегда, вы можете туда ей позвонить или приехать». Он сказал: «Я не могу, я улетаю». Я поняла, что он в Мекуу. Его отовсюду уже сняли, советская власть кончилась. И он, старик, ехал в Мекку. Так он умудрился узнать мой адрес городской и позвонить ночью. Ну это вообще классная история, конечно, как бог распорядился с его судьбой ну и с моей тоже.

01:50:06

А вот вы у него не спрашивали, он вообще не жалел, что он вот так вот...

Мы никогда не говорили

01:50:10

Нет?

Нет, вот он приезжал...

01:50:12

Что он вместо любви карьеру выбрал.

Он приезжал вот с такими пакетами из Узбекистана, вот такая черешня, сроду такой не видела в советское время, везде меня находил по Галине Серебряковой, приходил на любую работу. Я в Министерстве обороны — он и там. Приглашал меня в гостиницу «Москва», в ресторан, и я уходила благополучно домой, и ни о чем не говорили. И только здесь, он приехал, здесь уже, когда мама умерла, и он опять сюда, я уже здесь жила, и здесь мы танцевали и что-то затронули жизнь нашу, и я сказала: «А ты помнишь, в 1950-м году, когда у меня вот тут текла тушь, ты пришел, увидел концертный рояль, все? На второй год что ты сказал? Что фамилия Зуфаров и фамилия Сокольникова, они не могут быть вместе».

01:51:12

Это он вам так сказал?

Да. Я говорю так все это, вроде между прочим, я говорю, это все помнила, всю жизнь. Вот такая история. Ну дальше, ой дальше, дальше-дальше. Дальше началась такая интересная история в моей жизни. Это я жила на квартире, земляной пол, утром встаешь, глиной натираешь пол, затем — муж студент еще был, не закончил — затем бросаешь мешки, плита, вот такой керогаз страшный, на нем, значит, готовишь, на нем пеленки стираешь, когда дочка родилась, и арык и все. И в декретном отпуске я была, а буквально за забором какая-то девушка, белоруска по фамилии Рыбачик. И что-то сидит там, бубнит, бубнит, бубнит, ну семнадцать, а мне двадцать три. И я говорю: «Глаша, а что ты там все это?» А уже хрущевское было постановление, за это я Хрущеву очень благодарна, у него было постановление, что в ВУЗы принимаются люди, у которых стаж не меньше пяти лет, без конкурса, особый конкурс для этих людей.

01:52:44

Это какой год?

Это, значит, в 1961-м я институт закончила, 1957-й, Хрущев. Она говорит: «А я в пединститут». А я-то всю жизнь мечтала, что я буду медиком. Я пошла, постояла около мединститута в Ташкенте и увидела: там одни узбеки, там никаких русских не принимают. Тогда я пошла в пединститут, дошкольное отделение, а там — пожалуйста — есть факультет «дошкольное отделение», для русских. Я говорю: «Глаша, а куда ты поступаешь?» — «А я на дошкольное отделение в пединститут». Я говорю: «А можно я с тобой?» Я, которая пять лет вообще не брала ничего, вы сами понимаете, медсестра, все время работала, пять лет стажа, и ребенок шестимесячный на коленке, и голодуха такая. И я начинаю с ней, а мой ребенок, наверное, уже тогда знал, что будет педагогом, сидела тихо-тихо у меня на коленях. И мы с ней, значит, проработали, там четыре экзамена: немецкий, русский — сочинение, география и история. Ну, язык у меня подвешен с детства. А немецкий-то я ни в зуб ногой. В училище не было немецкого, в медицинском, а в школе вечерней, когда я у татар-то жила, там вообще уроки не выучить было. В общем, немецкий, конечно, это было кошмар. Как его сдавать, чего сдавать, я даже не думала об этом. Ну и, короче говоря, я подала документы. Пять лет стажа, все в порядке, а там конкурс таких я как я. И первое сочинение. Я пошла и начала писать: подлежащее, сказуемое, точка, подлежащее, сказуемое, точка. А эти все там, с запятыми, все. Все «двойки». Я и еще одна женщина «тройки». Два от всего конкурса! Продолжаем дальше. Значит, география «пять», история «пять». Немецкий язык, боже мой, что делать. А немецкий язык надо по-русски рассказать, там инфинитив, там еще что-то, а потом читать же и вообще

отвечать на вопросы. А я чего знаю? Я пришла, около двери стою. «Ну все, сейчас я провалюсь и все дела», — поступаю на дневное отделение четырехгодичное, а тут молоко, кормлю ребенка, оставила, рубль даю — шесть пеленок. Ночью стираю, и ребенка кому попало — только посадить и сходить на экзамен. И вот я подхожу к двери, спрашиваю этих семнадцатилетних: «Что там спрашивают?» — «А, там спрашивают как зовут, где работаешь что-то там еще». Я говорю: «А как это?» — «А вот так». И я там прям выучиваю, около двери. Ну, наконец — «Тартыкова давай». Захожу, вот такие книги читать, я беру книгу, а ничего не соображаю, что в словарях не бывает «а» и сразу «б», а бывает «АБ», «АЦ», так ведь, в немецком. А я «А» открываю, а дальше «Б» какое-то, а чего дальше? Ничего, время идет, я ничего не понимаю, у меня четыре строчки перед глазами, а экзаменаторы-то видят, что я взрослая. Я что-то думаю, сочиню, что тут могло быть. Вижу — только «Пушкин» я прочла. И я взяла, да думаю: «Татьяна любила природу и часто ходила во двор». Сама придумала. Ну вызывают меня: «Садитесь, давайте читайте». Я начинаю медленно, так медленно читать, эти вот четыре строчки надо прочесть, и перевожу: «Татьяна любила природу». И они все кивают — оказывается, так и есть — «и часто выходила во двор». Они говорят: «Хватит». И начинают меня спрашивать, как зовут. То, что я выучила у двери. И я говорю. «А где вы работаете?» А я уже не говорю, что я медик, я говорю: «Я была массовиком в Доме пионеров». Там, где я летом работала. «Да, годится для пединститута». Ну и, значит, «четыре». И я зачислена. Без общежития и без стипендии. А мужа усылают, вот эти проклятые военные всякие сборы, и я остаюсь одна с ребенком. Денег у меня — от декрета там чуть-чуть, квартира 150 рублей, на земляной пол. Ужас какой-то. И вот, значит, я остаюсь. А там же хлопок был безумный в советское время. Всех на хлопок, а меня, кормящая мать, куда меня на хлопок. «Значит, вы останетесь, у нас есть профессор, он ослеп, он будет диктовать, а вы будете его глаза, вы будете писать». И вот, я с ним остаюсь. Платон Иванович Иванов, как сейчас помню. Он диктует, я пишу, ну отдохнем немножко. «Так. Расскажите о себе». Я ему о муже, а муж уже вот, уже и побои, все есть у меня. Он говорит: «Ему пить нельзя ни грамма». Я говорю: «Я знаю, но ничего не могу поделать, у меня ребенок, я его люблю». Он дальше: «Стипендию дали?» Я говорю: «Нет» — «Как? Кормящая мать, не дали стипендию?» Я говорю: «У меня „тройка“ по русскому» — «Так, а общежитие нужно?» Я говорю: «Да нет, у меня квартира». И он пошел в деканат: «Это что за безобразие!». В общем, мне выдают все, всю стипендию, начиная с сентября, благодаря этому Платону Ивановичу. Закончила я, в общем, в 1961-м году. Ташкент, пединститут, красный диплом. Значит, там нужно было назначение получить, и мне попало самое лучшее назначение. Меня сделали методистом Ташкентской области, потому что у меня было образование и медицинское, и высшее педагогическое, и незаконченное музыкальное, то есть, я им годилась. Облздрав. Я не хотела в просвещение, у меня все записи медицинские, я все равно люблю медицину. Я попадаю в облздрав к взрослым теткам, сравнительно. Мама приглашает на две недели, мы приезжаем — муж мой, я и дочка. До этого муж с мамой познакомился, он увлеклся, вот маленькие машинки такие делали, и он ездил, получил премию какую-то, заехал, очаровал маму, в общем, невозможно, как. И сестры, и мама — все были им очарованы. Ну он, действительно, обаятельный — невозможно. Такие люди долго не живут, видно. Ну и, короче говоря, в этот момент мы приехали к маме.

02:00:08

А где она была?

А она не имела этой дачи, не имела еще квартиры на Кутузовском. Таня вышла замуж рано. Зоря получила уже квартиру, как реабилитированная. Мужа выпустили, ее поляка, польского еврея. Ну, в общем, короче говоря, мы в маленькой квартирке, двадцать четыре метра, она жила на Варшавке

02:00:34

Она была уже реабилитирована?

Да, конечно. Она была реабилитирована, как только умер усатый. Сначала Русланову, потом Федорову, эту Зою Федорову, а потом маму. Но ее сразу опять в ссылку, и она из ссылки написала на XX съезд письмо: «Сколько я могу отвечать? За что? И дети отвечают». И это письмо прочли на XX съезде партии, и там писатели сбросились ей денег, чтобы она приехала в Москву. И там же, в Казахстане, ее реабилитировали. Ну, двадцать лет ни за что. Не убила и не украла ничего, за мужа, а муж не реабилитирован был до Горбачева. Ну и, короче говоря, мы приехали на две недели, зашли с дочкой, она сказала: «Это кто?» Про меня. «А это кто? А что это за узбечка?» Черная я была, с длинными волосами, худенькая очень, потому что жизнь была очень тяжелая с моим мужем. Царство ему небесное. Все было ужасно — питье, все было. Я постаралась, он сначала техникум кончил, потом я ему говорю: «Поступай учебным мастером в институт и поступай сразу в институт». Он, конечно, там компания пьяная образовалась, когда появлялся, то начинались драки, побои, в общем, очень тяжело, мать его без конца приезжала, прощения просила: «Не бросай!» Ну, в общем, кошмар был, тяжелый.

02:02:14

А как вот вы сказали, что семья мусульманская, это в чем выразалось, то что мусульманская?

Во всем. Во всем. Все обычаи, все. Язык, они при мне говорили не по-русски.

02:02:26

Вы выучили?

Я понимала все, до сих пор понимаю, когда идут, по-татарски [говорят]. Это тяжелый случай.

02:02:36

А еще какие-то? Ну вот хорошо, вот язык, еще что?

Ну, обычаи все их, понимаете? Вот, что, когда мы с ним поженились, у нас была мусульманская свадьба — мулла читал молитву, мы пили какую-то воду, у меня были посаженные, из их родственников, отец и мать. Дочку родила — в ухо ей опять кричали имя, она у меня по-мусульмански крещеная получилась, опять мулла. Я не противилась ничему, а потом я рванула оттуда. И вот дальше начались трагические события. Значит, мы побыли у мамы две недели, все вроде было ничего.

02:03:26

Всей семьей?

Да, мы были всей семьей. Ну две недельки, мне Москва не понравилась. Дочка у меня почему-то, начиная с двух лет, все время кашляет и по сегодняшний день, непонятно, что с ней. То ли врожденное, то ли астма, это ужасно. Вот и мы уехали отсюда. Уехали, а у мужа вот эта вот компашка образовалась. Мама дала мне книги с автографами для Рашидова, президента, она с ним переписывалась, а он тоже писал книжки, этот Рашидов. Президент Узбекистана. И я с этими книжками должна была отправиться, чтобы, наконец, у меня квартира появилась какая-то. Я пошла с этими книжками, иду по коридору, а на одной из дверей написана фамилия моего первого вот этого товарища. Я постучала и туда вошла. Он вот чуть со стула не упал. Я говорю: «Здравствуй, Адиль, вот видишь, как жизнь поменялась. Я иду к твоему шефу, а ты — вот здесь сидишь». «А-б, а-б, выйди, пожалуйста, в скверик, мы поговорим». Ну вот. Ну потом я вышла. Но я тогда не говорила, что я не простила там, нет, ничего этого не было. Просто это было, конечно, он был помощник по сельскому хозяйству у Рашидова, очень большая, а потом он был очень долго председателем всех профсоюзов Узбекистана. Он сделал блестящую карьеру, но в жизни был жутко несчастлив, жутко. Четверо детей, вдовец, сын в Афганистане ногу потерял, вторая жена шизофреничка: «Отравлю всех твоих детей!», русская. Кое-как развелся. И третья жена, которая родила — на двадцать лет младше — ребенка, у ребенка перелили всю кровь. Резус был нет тот. Чем дальше кончилось — не знаю. И всегда мой портрет на стене, все жены должны были созерцать. И, значит, в Ташкенте я потом, Рашидов сделал нам, правда, очень неудачное — еще с одной женщиной комнату. В общем, началась ужасная, запойная, жуткая [жизнь], у моего мужа загул. Кончилось тем, что в 1962-м году, можете пометить, я приехала в Москву. В 1962-м году. Летом, я работаю в райздраве, в облздраве, на такой должности, серьезной, он три дня пил беспроблемно, на третий день — царство ему небесное — он выкрутил пробки, взял топор, а дочка у меня была со свинкой, замотана, а я в домашних тапочках, я только успела схватить, открыть дверь и выскочить из этой вот, уже полученной от Рашидова, комнаты, и побежала в свой облздрав, было мне двадцать восемь лет. Я прибежала, говорю: «Вот такая и такая история». Они говорят: «Ну ничего, опомнится. Давай его попугаем. Давай вот поживи у — там узбечка была, педиатр, — а мы за это время тебе билет в Москву возьмем, а он потом будет искать тебя, и все наладится». «Я в Москву не поеду, потому, что мама меня встретила и не узнала. И вообще, я не могу, там младшая дочь, квартира одна, маленькая 24 метра». Я не знала, что мама на меня квартиру получила. Когда она вернулась, ей сказали, все ее забыли: «Реабилитирована? Комната». Она: «А у меня девочка», — вот эта Таня. «Однокомнатная [квартира]» — «А у меня еще одна». И меня в той, я, оказывается, все эти годы, мотаясь по земляным полам, была вписана в эту варшавскую квартиру как Сокольникова, ничего не зная. А они: «Ну ничего, ничего, как-нибудь все перемелется. Ты сиди здесь у нас, мы сейчас поедем, твои вещи побросаем в маленький контейнер и тебе отправим». Вы представляете мое состояние? А я еще военнообязанная, как фельдшер. Меня даже Рашидов не мог снять с военного учета, пришлось лететь на самолете туда. И вот они меня запихали в этот поезд, съездили, какие-то вещи побросали мои, его дома не было. И я, значит, еду в Москву вся в слезах. А у меня очень разговорчивая дочка, и на верхней полке лежит мужчина и говорит: «А что твоя мама все время такая грустная и все все время плачет?» Она: «А мы едем к бабушке, — она еще со свинкой, с остатками, — мы к бабушке едем, а нас там никто не ждет, в Москве». Он говорит: «А куда вы едете?» Она: «Варшавское шоссе, дом 4, квартира 319». Он пошел и дал телеграмму. Приезжаем сюда, встречает на вокзале Танин муж. Он меня не знает, я его не

знаю, мамы — ни-ни, ничего. Приезжаем на Варшавку, а я худющая была, замученная всей этой историей, и дочка еще тут, такой ужас. Приезжаем, значит. Вечером приходит мама. А мама такая у нас была королева, такие длинные волосы, черные, все время она красила, и очередной муж, здесь уже найденный, гражданский. Приходит домработница, все блестит — и я тут. Оказывается, Таня беременная, некуда с ребенком, и муж. «Что это ты приехала?» Ну я начинаю рассказывать, что вот такой кошмар был. «Ну ладно, давай свои документы». Оказывается, маме уже дается квартира на Кутузовском проспекте, трёхкомнатная. Приезжали из Югославии переводчики и написали в своей газете: «Знаменитая советская писательница, отбывавшая двадцать лет сталинских репрессий, принимала нас на кухне». А у нее кухня была, она очень-очень была педантичная, все у нее в порядке. Не сама, домработница, но умела все. И сделала из кухни там какую-то такую, знаете, штору и там их принимала за столом, они усекли, что это кухня. И вызвали в Моссовет: «Галина Иосифовна, такой позор, югославы что написали, мы вам даем ордер, все, на Кутузовский езжайте». А я-то ничего знаю, пожаловала, когда уже квартира дается, а я в этой прописана, в книге, ничего не знаю. И, значит, она мне говорит: «Давай свои документы». Я подаю ей два диплома своих, красный и синий, дочкины это все, паспорт. А мне дали отпускные денежки, но денежки как-то еще, там где-то в отдельном месте сохранились у меня. Ну и пошла в ванную мыться, пошла в ванную мыться и слышу, там в доме что-то происходит. Людмила, совершенно невероятное, такой шум за стенкой, дверью. Я на мокрое тело, июль месяц был, натягиваю на себя это платье, выскакиваю, дочка сидит под кроватью как загнанный [зверь]: «Бабушка сказала, я похожа на своего папу: „Сиди там!„ Я говорю: «Что происходит?» Она: «Ты что нам тут все наврала? Ты в Москву захотела! Ты узнала, что я на тебя получила комнату! — а я не знала. — Тебе Зоря сказала». А Зоря приходила, боялась, как бы я к ней не пожаловала, в ее двухкомнатную. Ну и, значит, я говорю: «Да не так все было» — «Неправда!» И распахивает мой паспорт, а там лежит квитанция и написано «контейнер». «Ты видишь, — говорит, — ты контейнер сюда отправила с мебелью, со всем». Контейнер этот представлял из себя вот такой железный ящичек, в который врачи напихали мне, что попало под руки. Он тоже назывался «контейнер». А она решила, что едет в их 24-метровую, и я все наврала. Я говорю: «Да я не знаю, что это за контейнер, я же была в ужасном состоянии, они все, врачи, за меня решали попутать».

02:12:34

Ну и что, вот если бы вы даже захотели...

Она берет брошь, вот здесь, а тогда модно было, знаете, такие эти чешские, керамические, такая огромная брошь. Она берет эту брошь — и в меня. И прямо вот так рассекает мне лоб. И все лицо у меня заливается кровью. Я хватаю дочь, хватаю этот узелок, где еще остатки денег, а документы уже у нее, и мы выскакиваем на лестницу, на каменную. И никто за всю ночь за нами не вышел. И мы сидели на лестнице. Утром вышел ее муж и говорит: «Мама решила, что ты поедешь ко мне. У меня есть семиметровая комната, как у ветерана войны». На Патриарших прудах оказалась, а я же не знала Москву. «Я ненавижу вашу Москву!» — только кричала. «Я тебя туда отвезу отвезу, — машины у них не было, было такси, дежурило, — и мы будем решать твою судьбу». Погрузили нас с ней. Едем, я плачу, водитель меня жалеет, этот, таксист. Подъезжаем к «Детскому миру», он говорит, — а он хороший дядька был, он в СМЕРШЕ был вообще в войну, журналист и комиссован был по 1-й [статье], с шизофренией, потом стало известно. Он говорит: «Я вас сейчас мороженым угощу, московским, посидите в машине». А там кафе всегда летнее, около «Детского мира» было. Он туда пошел за мороженым, приходит, держит мороженое, а я упала на асфальт на коленях, кричу: «Отдайте мне мои документы! Я сейчас же уеду из вашей Москвы! Я все здесь ненавижу! Я буду на целине! Меня там ждут!» — весь наш курс поехал на целину. Он растерялся, народ собирается, что это происходит — женщина молодая кричит, упала на колени. Он говорит: «У меня нет документов, они все у мамы». И все. Мы отправились в эту семиметровую комнату. Мы там неделю жили. Там, значит, голуби на окне, вот такая вот кровать, шкаф узенький, ну семиметровая, и каждую ночь, в конце коридора телефон, и каждую ночь меня к телефону, в час ночи там, на допрос. И вот я там, значит, иду к телефону, а все носы из этой коммуналки, там первая скрипка Большого театра, еще кто-то, все слушают, что я буду говорить. И вот я начинаю рассказывать, как муж выкрутил пробки, вот все это я должна рассказать. Это как на допросе было.

02:15:30

То есть, она подробно расспрашивала о всех?

Ночью, когда я еще должна спать, я сейчас расскажу, что было все не так. Что я уехала добровольно и захотела жить в Москве. Узнала, что на меня получена комната. Она не верила. В общем, неделю мы вот так жили, и я боялась ходить. Мы ходили от памятника, помню, Маяковскому и еще куда-то, чтобы не потеряться, и дочка меня спрашивала: «Мама, а где мы будем жить?» Я говорю: «Не знаю». Документов нет, ничего нет. Один день они звонят: «Мы решили тебя на море отправить. Ты ведь море никогда не видела. Давай ты на море поедешь».

Потом вдруг: «Нет, мы передумали». Потом последнее: «Мы уезжаем в Переделкино, снимаем здесь в Доме творчества домик, а ты приедешь на Варшавку». Ой, я говорю: «С удовольствием, только ставлю условие, чтобы вас там не было. Я не могу вас больше видеть». Ну они уехали, я приехала. Домработница, я и девочка. Приходит мужчина, приходит мужчина, говорит: «Я из Моссовета, я пришёл, маме вашей дают квартиру, я пришел узнать, кому эту оставить, двухкомнатную». А у меня все из рук падало, а у нее все кругом керамика, тогда модно было. Вот возьму чашку — обязательно упадет, такое горе было. Ну очутиться, понимаете, в зрелом возрасте под тридцать лет — ни дома, ничего не известно, как возвращаться туда, где тебя с топориком чуть не убили, как оставаться здесь, ненавидя вот это все. И вот он мне говорит: «Дайте воды попить». И взяла кружку, но она, слава богу, не разбилась, и подаю ему, и она бабахнула. Он домработницу позвал и говорит: «Я никогда не видел таких несчастных женщин. Я смотрю — я никогда в жизни не мог представить, что молодая женщина — и так может быть несчастна. Я все сделаю, чтобы эту комнату, вот вторую, ей написали. Все, что от меня зависит, будет она. Она останется здесь жить». Ну вот, так я осталась в этой девятиметровой. И заездил мой муж, и заездил мой муж: «Я больше так не буду, я брошу пить, я то», дочка: «Я папу люблю, папа», — и все. И, в общем, через Косыгина, через Шелепина был, летала Терешкова, был прием в Кремле, и мама там за стол попала с Косыгиным и Шелепиным, и они ее спросили: «Что бы вы хотели, Галина Иосифовна?». И она говорит: «Зятя прописать не могу». Потому, что когда я приехала, мне надо было объяснение, иначе меня не прописывали, и мне этот ее муж, мамин, надиктовал, что я приехала вся в бинтах, что я была со сломанными руками. Вот это все хранилось, пока мой муж не умер, а так как он этим спиртом отравился, приходила милиция, и вот, благодаря тому, что я объяснила в 1962-м году, на меня дело еще не завели. Не своей смертью все у него получилось, отравление. Вот так я осталась в Москве. Мама сразу сказала: «Материально помогать не буду. Я помогаю младшей». И я пошла работать простым педагогом в детское учреждение, которое прогремело на всю Москву, потому, что воровство было, и все, одна я осталась. Ну, и потом узнали, что у меня, я еще здесь кончила ординатуру военную эту, медицинскую врачебную, у меня такое редкое образование — «Развитие и воспитание детей раннего возраста», и меня повысили. Я стала, двадцать лет в райздраве я ведала семьдесят, потом сорок учреждений. И никогда, ни разу, меня не наградили ни грамотой, ничем. Мои учреждения занимали места, все... я не партийная. Меня никто не знает. Понимаете. Так обидно было.

02:19:50

А в партию не звали?

Боже упаси, да я и не собиралась. И не звали.

02:19:55

А мама, когда реабилитирована была, она восстановилась?

Да-да. И отца моего восстановили. И маму. А потом я [получила] последний, пятый «урок». Ну были какие-то, конечно, мужчины, но все не то. В общем, после смерти мужа я осталась сорока лет. У нас была кооперативная квартира, мама потом нас расселила. Она мне дала деньги только на однокомнатную квартиру, за ту комнату, которую она меня, а эта осталась там, моя сестра. И я отплатила кооперативу семнадцать лет. Поэтому, я здесь преподавала, бегала по всей Москве. Муж у меня 120 рублей [получал], как инженер, хотя начальник, замначальника цеха. В советское время 120 рублей, и ключик от сейфа, который его и погубил — спирт неочищенный, брежневские времена. Ну и вот я пятый урок получила очень печальный, уже перед выходом и поселилась здесь, когда получила пенсию. Значит, сидела я на приеме детей в детские учреждения, очереди были огромные, до трех лет, и Ясенево построили. Ну, сегодняшнее Ясенево. Один дом стоял, и я там подрабатывала ночью медсестрой, ездила, обкалывала раковых больны, чтобы подработать как-то. В общем, короче говоря, стояла огромная очередь родителей, все говорили: «К Гелиане Григорьевне, эта поможет обязательно». Сижу, приходит женщина и говорит мне: «Вы знаете, вот мне сказали „Гелиана Григорьевна поможет“». У нас слушатель военной академии имени Дзержинского, — это у Кремля, — заболела жена. Жена в больнице, ребенку два года, он бегает по улице. Помогите. Я — слушатель, отец». Ну, я говорю: «А вы-то кто?» — «А я инспектор этой вот академии военной». Я говорю: «Да? Так есть такая должность „инспектор военной академии“? Возьмите меня! — поиграла с судьбой, — возьмите меня!» Я говорю: «Вы понимаете, мне 45 лет, скоро пенсия — 60 рублей, дочка вышла замуж, я одинокая. Я могу в командировки, все могу, ездить, у меня три образования». Она: «У, как интересно!». Я говорю: «Ну, вы же меня, меня же не пропустят, у меня, зная вашу анкету, надо написать, когда умер мой отец, и где его могила и номер ее, а я не знаю номера до сегодняшнего дня, до сегодняшнего негу его могилы, — «Совершенно секретно ФСБ». Ну я говорю: «Но зато мама у меня знаменитая, Галина Серебрякова!» — «У, Галина Серебрякова! Ну, как же! У меня все книги ее стоят. Да нет, ничего, надо поговорить насчет вас». В общем, она мне оставила свой телефон, я на другой день — а я прекрасно работала, меня так там район любил, уважал, но вот из-за того, что я не

партийная, меня ни в райкомах, ни в горкомах — я не страдала от этого — не награждали, ничего. Мои учреждения гремели, как самые лучшие, по телевидению, а кто руководит — я других подставляла врачей, партийных. Ну вот и, значит, прихожу на другой день, вот такая маленькая бумажка — ее телефон, уборщица все выбросила — это лежит. Я набрала, она говорит: «Ой, вы знаете, я уже поговорила в Министерстве обороны, — напротив Кремля, напротив Спасской башни, — там образуется новый отдел, „Охрана здоровья детей и женщин“, вас там с удовольствием возьмут, с такими образованиями. У них нету таких специалистов». Ну и, в общем, я пришла, маме рассказываю, мама еще жива была. Я говорю: «Мама, я с судьбой поиграла». Она говорит: «Ну, если тебя не возьмут, я к Брежневу поеду, сколько можно отвечать. Они должны тебя взять». Я говорю: «Ну вот там такой вопрос будет, а я же не знаю», — отец-то не реабилитирован, враг народа. Ну, в общем, они меня два с половиной месяца мурыжили и позвали. И на очень большую должность, на прекрасный оклад, все было замечательно.

02:24:40

Это какой год был?

Это 1979-й год. Я там отработала до 1985-го. Но до перестройки я ушла, шесть лет. И два с половиной года, когда умерла мама, и когда умер Брежнев, туда негласно из органов, видно, поступило указание, что «эта женщина здесь совсем ни к чему. Сокольников — «враг народа», сидит напротив Спасской башни ездит. Я весь Советский союз объездила кроме Тихого океана.

02:25:18

А что у вас была за должность?

На Байконуре была. Я была старший инспектор всех детских учреждений Советской армии. Через два с половиной года началась моя травля. Каждый день. Каждый день меня травили. Значит, как: гинеколог изображала, что она меня ревнует к начальству. А у меня одни похвалы, к каждому празднику у меня 15 рублей. А у меня кольцо мамино, которое стоит ого, а я получаю от генерал-полковника 15 рублей в конверте. Ну, в общем, она там начала травлю, организовала группу, которая меня доводили, звонили, даже в воскресенье приезжали, чтобы проверить, встречаюсь ли я с полковником, который без пяти минут генерал. А у меня действительно там случился роман. И очень долгий, и я очень жалею, как это могло вообще мне в голову прийти, потому что это все вообще было потому, что дочка была уже замужем, так далеко довольно от меня, ребенок, в общем, я жутко была одинокая и я прилепилась к этому человеку. Вот пятый урок это был такой, что, например, эта гинеколог приходила в отдел, где десять человек сидело — врачей, педагогов, экономистов, занимались здоровьем детей и женщин Советской армии. И она садилась в угол и говорила: «Этот Сокольников, этот враг народа, переименовал себя, сам бриллиант был, такие еще должности занимал», — как мне было слушать это?

02:27:14

Это какой был год?

Это 1980-е годы. 1981-1982-1983-й. Два с половиной года я это терпела. «А, эта писательница...». Значит, мы едем на экскурсию. Меня избрали, как дочь писательницы, меня избрали председателем культурно-массовой комиссии. Я за свои деньги покупала цветы, чтобы организовать комиссию по Марине Цветаевой. «Эта дочь писательницы устроила нам слюнявую экскурсию к Марине Цветаевой!» И все молчат. Все десять человек, все, вероятно, пописывали в органы, кто чего сказал. Я вставала и говорила: «Товарищи, ну что же вы! Вы же слышите, что говорит Сысоева». Ну, потом Афганистан начался, уехал генерал в Афганистан, начальник уехал проверять Одесский округ, а заместитель начальника, я ему детей устраивала в пионерские лагеря там, везде. Ну вот, и я к нему подошла, я говорю: «Посмотрите на меня внимательно, — у меня было одни кости, вот одни кости были за два с половиной года, и глаза вот так вот, — мне дорога или в больницу или еще дальше, отпустите меня по своему желанию». «Да вы что? С ума сошли? У нас я двадцать пять лет вот работаю. Какой вам санаторий военный — любой? Какие вам лекарства — любые, да вы что?» Я говорю: «Умоляю вас, напишите, что я ухожу, иначе мне будет вообще плохо». И я ушла. Они мне вазу какую-то собрали, хрустальную. Я даже прошла мимо отдела, я боялась, что я расплачусь. Работала я интересно, в округа приезжала, меня так принимали хорошо. И я вот здесь вот поселилась на даче, три года я ходила с собачкой, другая у меня была, маленькая, я никого не хотела видеть. Меня выгнали на улицу. Я пришла в свой райздрав, откуда я уходила, меня не хотели отпускать. Они говорят: «Гелиана, что с тобой случилось? Ты на кого похожа? Мы думали, ты за генерала замуж выйдешь и вообще, у нас твоего места нет». Черненко всего ничего, царство ему небесное, школьную реформу провел: тот, кто был на моей должности — оставить только тех, кто был, новых не принимать. А я новая пришла. «Мы тебя не можем». И вот, я простой

заведующий детского учреждения. Оплелась. Три года отсидела, до пенсии еще оставалось четыре, и год я здесь говела, продала пианино, продала все, что от мамы осталось, всякие веритасы-машинки, все, чтобы прожить этот год. «Говорят, вы в психбольнице», — говорят. Они распустили слух. «Как же ушла-то? Почему? У вас что-то с психикой». Я говорю: «Вы что вообще? Вы видите меня? Я совершенно нормальная». Вот такой пятый урок.

02:30:42

Вы считаете, что это было связано именно с вот таким вот...

Не реабилитированным отцом, смертью матери и Брежнева, при которых они не решались меня убрать. Такая была интрига. Два с половиной года. Потом убрали эту гинеколога, ну как, свидетелей же всегда убирают. И меня вызвали в военную прокуратуру, я уже заведующей вот этой была, на маленьком окладе, вообще все ужасно. И мы с дочкой пошли, потому, что я заболела тут же. И он меня спрашивал: «Вот она написала на всех донос. Вы уволились, расскажите как вы ее вытерпели два с половиной года? В вас же, говорят, даже горячий чайник случайно летал». Я хотела налить чай, и вдруг чайник летал. Я говорю: «Я не хотела вставать на одну ступеньку с этой женщиной». Ну, это не просто было, это надо было меня... под колпаком была Гелиана Григорьевна. Вот так. Такая вот картина.

02:31:49

В каком году родилась бабушка?

1877-м году.

02:31:54

А дедушка?

Не знаю.

02:31:56

А он вот, я бабушку-то поняла, из какой семьи, а вот дедушка из какой семьи?

А дед, я о нем очень мало знаю. Они же разошлись рано, и в семье как-то не очень. Он медик, он врач, земский врач был перед гражданской войной. Он расстрелян в 1937-м году, в городе Иркутск, был начальником санитарной службы. Он и его жена молодая — оба расстреляны. Был послом в Хиве. Во время того, как Сокольников был министром финансов, он был послом в Хиве. Вот в Хиве у него родилась дочка, но она, к сожалению, была лилипутик. Очень хорошая тетя. Ее не репрессировали, ничего. Она вот нам оставила хрущевку, мы ее сдаем, хоть подспорье есть. Познакомились, когда я вернулась в Москву. Очень милая, хорошая, но вот с таким недостатком. Но она получила у своих уже, у своей так сказать линии, там все были очень такие ученые известные, она получила образование, была библиотекарем. Вот про деда я плохо знаю.

02:33:09

Ага, а бабушка.

В [нрзб] он работал, с [нрзб].

02:33:14

А бабушка как к революции пришла вообще?

Ну, я вам говорила, что она была дочерью польского табачного фабриканта, из очень большой польской семьи, очень большой. И, где она с ним познакомилась, я не знаю, но, наверное, где-то в Варшаве. И пошла за ним в революцию. В муфточке носила прокламации, все. В общем, дед ее выгнал, потому, что она придумала: встала на бочку и стала рабочих призывать к демонстрации. Ну вышел ее отец и сказал: «Бронка, вон!» И выгнал. И вот, через много лет, когда мама вернулась, она делала фильм о Марксе, называется «Год как жизнь». А мама дружила с Шостаковичем, Шостакович дружил с моим отцом, он приезжал из Ленинграда, ночевал у отца в кабинете или в столовой. И когда мама вернулась, Шостакович взялся делать музыку к ее фильму «Год как жизнь», о Марксе, с Рошалем. И поехал он не то в Австрию, не то, не знаю, в Германию, и там был его вечер, и ему задали вопрос: «Над чем вы сейчас работаете?». Он сказал: «Я с Галиной Серебряковой работаю над „Год как жизнь“, фильмом». Ему пришла записка: «Я двоюродный брат Галины Серебряковой. Разрешите, я с вами встречу после концерта». Подошел двоюродный брат из этой большой братии: «Мы все очень переживали, что ее бесприданницей вот так выгнал отец». И дал ей двенадцать колец,

потрясающий браслет старинного золота. И мы, как три дуры, взяли по четыре кольца, когда мама умерла, распилили и разделили. У меня до сих пор лежат эти четыре подковы. Ну это уже лом получился. Вот такая была история, связанная с бабушкой. Через столько лет, через Шостаковича.

02:35:25

Как бабушка вообще, она когда-нибудь, хотя бы, оценивала кого-то из существующих политиков?

Бабушка рассказала мне, почему-то об отце она говорила. Понимаете, тут какая история. Тут вот, что. Мой отец очень любил маму, потому, что, во-первых, у них разница была большая. Он из нее слепил, так сказать, писательницу. А бабушка тоже любила свою единственную дочь, души в ней не чаяла и поэтому она любила больше Серебрякова, чем Сокольникова, первого мужа, и она это не скрывала. И говорила мне, что, я знаю только, что он, во-первых, польский язык очень не любил. «Ну вот, зашипели!», — когда они разговаривали друг с другом по-польски, мама и бабушка.

02:36:17

Это ваш отец говорил?

Это мой отец им говорил. Это вот я откуда-то знаю. И бабушка мне вдруг, не говоря об отце ничего, рассказала такую историю, что она присутствовала при чтении завещания Ленина, когда Крупская в тесном кругу прочла завещание Ленина. В Советском союзе это тогда замалчивалось. Никто не знал. А Гелиана Григорьевна в четырнадцать, в каком четырнадцать, гораздо меньшем возрасте, знала, что Ленин написал завещание, в котором сказал: «Нельзя назначать Сталина генсеком, потому что он груб. И нельзя им назначать Троцкого, потому что он тоже не подходит». Вот это я от бабушки узнала. Дальше, вдруг, бабушка мне рассказала, что она присутствовала на обеде 7-го ноября, утром, когда застрелилась Аллилуева. Что Сталин скатал, значит, хлебный мякиш, кинул в Аллилуеву — все при бабушке это происходило — и сказал: «Эй ты». Она встала и сказала: «Я не „эй ты“! — и ушла, и застрелилась утром. Вот это я узнала от бабушки.

02:37:31

Ага, а какие-то оценки она давала? Кроме рассказа вот этого?

Нет-нет. Она страшно меня оберегала, понимаете, от политики. И потом, жизнь так катилась как-то, что в общем, даже не пришлось вот этого всего. Потому, что, когда я была маленькая, она сидела за роялем, зарабатывала. Война, кто что принесёт — хлеб, масло, овощи, деньги. Все дети окрестные к ней ходили. Целый день музыка. Когда приехала мама вот такое было, это все было недолго и, когда мы остались одни, фактически, она всего два года прожила. И тогда вот эта история была, что я поехала в Семипалатинск, эта история, что она каждый день ходила в НКВД, и они ее гоняли, видя такого пожилого человека, за семьдесят лет, от окна к окну, просто, наверное, смеялись. Они же знали, что мама во Владимирском центре. Это ее доконало совсем. Нет, никакой политики в доме не было. И знаете, я вам хочу сказать, что вот это воспитание, которое бабушка неосознанно со мной провела, оно перекочевало в мою жизнь.

02:38:54

Это как?

Это вот так, что у меня дочка, она очень активная с малых лет была, она даже в детском саду всегда заменяла воспитательницу. Воспитательница уйдет, Аля все, всех построит всех. Очень активная. В школе ее сразу избрали старостой. Она английскую школу кончала, тут мама, между прочим, проявилась. А потом она, конечно, комсомольская была. Когда отец умер, я ей сказала: «Пойдешь работать». Вот ей пятьдесят семь лет, у нее стаж сорок один год. Она пошла работать. И там сразу ее избрали секретарем комсомольской организации. И Пастухов ей выдал, как лучшему секретарю, путевку, она в Польшу ездила. И вдруг, появился Костя — это мой зять — абсолютно аполитичный, у которого мама вечно «Ура-ура», секретарь — царство ей небесное — парторганизации института Губкина, который сказал: «Никаких партий, политик!» Ее готовили к партии, где она первый раз работала. И все. И то, что я вот так страдала от того, что я не была партийная, она же видела. Ну как это так вот? Мне говорили: «Сделайте прическу Гелиана Григорьевна, будет актив медработников и вас, вы в списке на какую-то там грамоту». Всех прочтут, а меня нету. Я со слезами, с этой прической домой. Это же накладывало отпечаток, что, вообще-то, там вокруг партии-то бегают. И потом, я всегда подчеркивала — я никогда не открыла ни одной двери, кроме, вот пришлось, вот этого, как он называется, Пенсионного фонда. Мы аполитичны, и сейчас я сторонюсь этого. Я не

люблю государственные вот эти все просьбы и участия.

02:40:53

То есть, я так понимаю, что это какой-то сознательный был выбор?

Конечно.

02:40:58

Чтобы, лишь бы не с официальным, какой-то.

Да. Слишком дорого далось.

02:41:04

То есть, это из-за того, что вы чувствовали опасность?

Нет, это не опасность, просто нежелание, абсолютно никакое. Вот совершенно не возникало ни одного раза, чтобы где-то чего-то там «ура-ура». Нет. Нет абсолютно, понимаете. Вот сейчас мне говорят, дочка спрашивает: «Вот мама, у тебе 2-го августа будет круглая дата, ты как собираешься праздновать? Чтобы к тебе пришли твои близкие, знакомые или просто те, которые тебя знают?». А сейчас уже круг образовался из-за Сокольникова, мои, так сказать, в интернете много и все. И я сказала: «Я хочу свою семью, мне не надо эти, кто, так сказать, „Какая вы хорошая! Вы нам помогли!“ Нет. Моя теория такая. Вот я узнаю, например, что кто-то болен и болен очень серьезно, и я этого человека не знаю, это может мне рассказать дочь про свою учительницу, и я иду в церковь и ставлю свечку за здоровье, этот человек никогда не узнает этого.

02:42:10

Вы религиозная?

Да.

02:42:12

Откуда это?

Не знаю. Ну, у меня свой бог. А как мне быть? У меня свадьба была мусульманская. Как выяснилось, Сокольников еврей, а я не знала, в метрике у меня национальности не было. У меня метрика вообще интересная очень. В ней написано — отец Сокольников, мама Галина Серебрякова, и причем Осиповна еще, и все, и я дочь. Нету ни национальности, ничего, и на метрике такая огромная печать «Исключительно в страхкассу». Вот с такой метрикой я проживала всю жизнь. У мамы была домработница, Вера Сергеевна, и, когда мама вернулась, эта домработница, очень-очень старенькая, ну, наверное, такая, как я сейчас или еще какая то. Она пришла и подарила фотографию мне, где я маленькая, вот из альбома. Вы мой альбом еще не видели, уникальный. И там, значит, написано: «Ланочке 10 месяцев», что ли. И она мне вот это сказала, она сказала: «Знаешь, когда вот это все случилось, я, пришла, и мама мне сказала, — она в таком была ужасном состоянии, ну, может быть, списать на мамину психику, — „Вера Сергеевна, возьмите вот этот шкаф“. А куда мне этот шкаф было? — „Ну и вот эту маленькую девочку“. Мне очень это показалось больно, обидно. Понимаете, Людмила, я не удивлена.

02:43:42

Ну, у нее же мужа забрали, вся жизнь ее рушилась.

Да-да. Я не удивлена и я просто, понимаете, у меня вот такое есть заболевание «нейродермит», аллергия такая на пищу. И я страдаю им ну очень давно, сорок лет как минимум. И однажды я обратилась к профессору просто. За десять рублей, тогда это много было, в советское время. И он мне какой-то вытащил аппарат, которым он лечил всех советских шахматистов. Меня по благу к нему. И он вытащил, что-то там нажал-нажал и мне сказал: «Скажите, кто вам развалил нервную систему?» Не «расшатал» говорит, а «развалил». Вот аппарат этот какой-то с кубик, там какие-то железячки звенели. Я сказала: «Два человека на букву „м“. Вот и все. Так что, не удивлена была никакими делами. Я просто, просто такую жизнь мне отпущено было, тяжелую, трудно было. Но я и не в обиде, я всех прощаю, забываю, но иногда помню, у меня, к сожалению, память еще. Я тут вот дружу с Трояновским из «Культуры». Знаете, есть такой. Я его не знаю, но он страшно интересуется моей судьбой, все время ищет, кто бы снял фильм, а я не хочу это особенно-то. И он говорит: «Я вот тут одним сказал, что есть Гелиана Григорьевна, у нее еще голова свежая. Нет, вы знаете, я знаю, что у некоторых уже с головой плохо в таком возрасте». Трояновский мне, комплименты. «Я знаю даже некоторых, которых я

бы не посоветовал этому режиссёру, которым шестьдесят». Так что, вот такая история. Кое-что, конечно, помнится. Ну что делать? Все прошло

02:45:44

А как-по вашему, почему мама не так тепло, может быть, к вам относилась?

Не могу сказать. Это вопросительный знак. В моей жизни это большой... Я все время об этом думаю. У меня разные мысли. У меня мысли то, что она отвечала за Сокольникова, она перенесла, почему-то, на меня, это раз. Вторая — это, Зоря мне тут нарасказала, что, оказывается, моя мама несколько раз хотела разойтись с отцом. Значит, во-первых, он очень занят был, ему не нравилось, когда он домой приходил, поднимался в кабинет, а у нее там богема вся кружилась и пела, значит, все эти Есенин, там, Бабель и все прочие. Ну сами знаете, богемная публика. Ну вот, и как будто бы перед тем, как вот это все случилось, как будто бы у мамы была была любовь с неким таким, тоже расстрелянным, к сожалению, не знаю его должности, и что это по фамилии Карпов. Это Зоря мне рассказала. И мама надеялась, что она уйдет к Карпову. Потому, что отцу было сорок шесть лет, в смысле, что он мог еще ребенка соорудить — в то время [это был] большой вопросительный знак, при его загрузке и при том, что у него одна почка якобы была. Тяжело болел. И она почувствовала, что у нее будет ребенок, и ставка была сделана, что, когда родится ребенок, он будет от того человека, и она уже может смело идти к тому человеку. А отец, видимо, это чувствовал, и мне бабушка рассказывала: «Вот твой отец сидел и ждал, кто родится. Вот сидел — и ты утром рано родилась, — я родилась дома, акушерка меня принимала дома, —и вдруг, вылез ребенок, абсолютно на Сокольникова похож. Черненькая, волосы до плеч, ну, в общем, он спокойно ушёл на работу».

02:47:59

И все, соответственно, и планы, да?

Ну планы рухнули, Карпова тоже расстреляли и все бы повторилось. Какой-то красавец молодой видимо. Я не знаю, кто это, какую он должность занимал, ну то, что не нарком — это точно. Так что, это жизнь. Мама была молодая, красива очень, талантливая, пела, очень сексапильная. Бабушка вечно мне рассказывала: «Ни один мужчина не мог мимо нее протий. У нее такие ножки были, прямо вот все падают ниц». Поэтому Солженицын ее так опозорил в «ГУЛАГе». А она, просто ее использовала ВОХРА. Бабушка, когда ее при мне спрашивала: «Галя, расскажи, как ты выжила?» — «Мама, я не могу тебе рассказывать. Я стала верующей, меня спас бог».

02:48:54

Это Галина Иосифовна рассказывала?

Да, она умерла, у нее вот здесь вот партбилет, простеганный пояс всю жизнь был, и в нем партбилет, а на шее Божья матерь. Она молилась каждый раз. Ее в ЦК вызывали: «Галина Иосифовна, говорят, вы верующая». Тогда, в советское время коммунистка 19-го года. А она сказала: «А я кого-нибудь к себе привлекла со своей верой? Нет. До свидания». Так вот совмещалось странно. Партбилет был партбилетом, все время на поясе пристегнутом таком, держала, там всегда при ней, при теле, в тоже время, я сама заставляла несколько раз, когда она молилась. Она считала, что двадцать лет женщина не может выжить в тех условиях, в которых она была.

02:49:45

А расскажите ее историю, ну, что считаете нужным.

В каком плане? Как? Ее эти истории все известны, и ее печатали всегда автобиографию и все.

02:49:56

Нет, вот ваша история вашей мамы, ну что вы...

Так я ведь с ней очень мало жила, из всех трех дочерей меньше всех.

02:50:04

Что вы знаете? Чтобы это было из ваших уст просто.

Ну, во-первых, я, несмотря на то, что у нас с ней не сложилась любовь, все-таки дружба сложилась, в какой-то степени. И я считаю, что, я преклоняюсь перед такой женщиной, как моя мама. Потому, что эрудиция, понимаете, вокруг себя могла, ну, я не знаю, влюбить в себя

столько людей, уже после двадцати [лет] отсидки. Она участвовала в комиссии по помилованию. Она всегда говорила: «Ко мне воры не влезут. Я столько помогла мальчикам, которые случайно оступились в детстве, один раз на стреме постояли». У нее писем был полный чердак, вот такие мешки. Они же знали, что она так долго сидела, и к ней обращались, и она помогала. Тут всегда толпились люди, у которых случайно сыновья попали, и она, как могла... она входила в комиссию вместе с двумя академиками — Лихоняном и Арценовичем. Знаменитые академики

02:51:18

А вот то, что она восстановилась в партии, вот вам это не казалось как-то странным после двадцати лет?

Нет, мне не казалось. Но понимаете как, я где-то думаю, что, все-таки, это как-то все-таки во спасение себя. Она боялась: «Не дай бог третий раз еще загреметь!»

02:51:45

То есть, она же, считается очень такой, правильной, с той точки зрения, что вот...

Что она о Марксе написала?

02:51:54

Нет-нет.. Что она считала, что люди, которые пережили ГУЛАГ, в общем-то не могут обижаться на партию.

Ничего этого я никогда не знала.

02:52:08

Не знали?

Нет, не, такого... они просто, понимаете, бесконечно шли сплетни. Например, на Красной площади некто Снегов, известный большевик, тоже который сидел, собирал народ вокруг себя и говорил: «Галина Серебрякова в лагере ела красную икру и пила красное вино. И она его сюда привезла на машине».

02:52:36

Это когда, в каком году было?

Это вот, когда она в, 1970-е годы. Она его сюда: «Кто вам это сказал? Как это? Где это? Что это?» Вот единственный, кому я благодарна, царство небесное, это Антонову-Овсеенко. Он в своей книге про Сталина написал: «Галина Серебрякова, которая пила чай с Хрущевым, не смогла реабилитировать своих двух мужей». Мама уже умерла, я ему позвонила. Сказала, забыла, как его зовут, все время забываю. Не помните?

02:53:10

Антон Владимирович

«Антон Владимирович, — я говорю, — это Гелиана Григорьевна Сокольникова. Антон Владимирович, вы сейчас будете издавать книгу, я уже видела один экземпляр, я не знаю, что это было, я вас очень прошу, исключите это, пожалуйста, потому, что мамы нету, остались дети, остались внуки. Это не очень приятно читать, потому, что это не совсем правда. Мама не пила никаких чаев с Хрущевым, она посвятила ему книгу, это единственная, наверное, женщина, которая посвятила ему книгу и XX съезду, потому что он ее реабилитировал. В благодарность она посвятила книгу». И он все убрал. А Солженицыну я послала письмо в Вермонт, в этот, как его, где он там был, в Америке, в Вермонт или как он там называется. Туда я послала ему письмо про «ГУЛАГ».

02:54:06

А что Солженицын написал?

Я послала не просто письмо, я послала его с Залыгинским помощником. И там написала, вот на машинке мне Анфертьев написал, этот, который возвращал Сокольникова в историю, что, значит, «Александр Исаевич, мамы нет в живых. Вы написали, что она сотрудничала с органами. Остались дети, остались внуки, вы написали по слухам. Вы не видели этих документов, я вас очень прошу, когда вы будете переиздавать [Архипелаг] «ГУЛАГ»,

пожалуйста, исключите это». Вышел [Архипелаг] «ГУЛАГ», все как было, все осталось. А Борисов сказал: «Александр Исаевич сказал, что все изменится, все он уберет». Ничего он не убрал. Это очень еще подействовало на нас материально, потому, что это еще было почти перед крахом Советского Союза, и у нас очень много было заказов в Латвии, в Эстонии, на «Юность Маркса», на ее рассказы. У нее же еще интересные рассказы о тех людях, с которыми ее судьба сводила, там Фрунзе, Куйбышев. Совершенно отличаются от сегодняшнего понимания. Они у нее дома были. Ну вот, ну и все отказались... из-за [Архипелага] «ГУЛАГа». Понимаете, вот никаких. Хотя, в мамином «Смерче» я впервые прочла его внешний вид, его все это. Потому, что я с исторической точки на это смотрю, что этому человеку очень сильно повезло, ему повезло, потому, что под его руководством выиграла замечательную войну Вторую мировую, Отечественную, и никуда отсюда не денешься. Поэтому померкло все то, что было сделано. Это просто вот повезло человеку. Нету однозначного мнения, никак, как ни крути, а он главнокомандующий. Ну и зачем мне это нужно, не хочу я об этом человеке. Ведь он же с отцом перед смертью, перед посадкой, так поиграл, как кошка с мышкой. Мама это пишет в своих воспоминаниях. Мама же перед смертью мне все-таки написала об отце. Я опубликовала в «Известиях» это.

02:56:32

Специально для вас?

Да. «Моей дочери Лане об ее отце». Она чувствовала вину, что она обо всех написала: и о Фрунзе, и о Куйбышеве, и обо всех, а о Сокольникове и Серебрякове ничего. И она Зоре написала, «Моей дочери Зоре», и мне. И я это опубликовала после реабилитации? в газете «Известия». Лапин был тогда главным редактором и Эльмар Евгеньевич мне помог. Который, вот вы сейчас фильмы его смотрели, «Легенда» и потом «Эхо планеты». Он мне помог это опубликовать. Понимаете. Вот. К чему это зашел разговор-то?

02:57:10

К Сталину.

Да, вот и какая-то мысль у меня потерялась, в связи с этим что было опубликовано. А, что Сталин поиграл с Сокольников три раза зная, что мышеловка вот вот захлопнется. Было три факта. Значит, первый факт был такой, что вот насчет дачи. Он вызвал Лобова и сказал: «Как это так, Сокольников столько для партии сделал, а у него нет дачи?» Началось строительство этой дачи. Где-то она до сих существует. Я ее не нашла. Я не знаю, где это она в Баковке. Вот государственная дача. Значит, всего полтора месяца, и его оттуда арестовывают. Он уезжает, машет, двухтомника у вас нету Сокольникова, да? Машет рукой и поехал навсегда. Вторая, значит, это была мужская вечеринка. Когда, он любил же мужские вечеринки, и он его пригласил и поднял тост: «За моего друга лучшего, Григория». Выпили тост, а мышеловка уже была открыта. Третий я сейчас не вспомню, по-моему, еще какой-то был факт. Ну в общем, это было ужасно. Это вот игра так сказать. Потом мама писала, что когда-то собрались, не знаю кто, ну в общем, ну вероятно, члены Правительства и начали говорить, что в жизни для них самое приятное. Ну, один сказал, Дзержинский, по-моему, который никогда не высрался, плохо себя чувствовал, сказал: «Прийти домой и выспаться!» Еще кто-то еще, не помню, из вождей сказал: «Женщины!» А Сталин сказал: «Это самое приятное в жизни — иметь врага, долго думать как его уничтожить, потом уничтожить, прийти и выпить вина». Вот это в маминых воспоминаниях. Вот это вот с Сокольниковым он проделал. Хотя он понимал, он Сокольникова держал до 1939-го года, и я уверена, что он подумывал, что он ему пригодится как финансист, как экономист выдающийся. Все-таки, два года его держали, не убили. Ну а финская война, потом чувствовалось, что будет еще более серьезная война, зачем же такой человек, который будет врагам помогать, как он считал. Потом меня вот многие спрашивают: «Вот скажите, если бы ваш отец остался у власти там, вот вы его видите на Мавзолее, среди вот этих людей, которые стоят рядом со Сталиным?» Я сказала: «Никогда!» Даже представить себе не могу, чтобы мой отец вот в этой компании был. Ну совершенно нет. Причем, после опубликования этой статьи, она называлась «Они делали честь идеи, которой служили», мама написала, там и Чичерин, и Раковский, там же блестящие были люди у Ленина. Пришла куча писем, что Галина Серебрякова антисемитка, что она обидела «нашего лучшего Кагановича». Мне Эльмар звонит, говорит: «Галина Серебрякова-то, оказывается, антисемитка». Я говорю: «Ну, конечно, дедушка еврей, а она антисемитка». А они подумали «Галина Серебрякова» и накатали, значит, вот что она «обидела нашего Кагановича». Он ужасно, подкладывал каких свиней моему отцу, ужасно. Все время. Он обзывал его «вумный». «Ну такой вумный», ну потому, что у этого образование — башмаки подшивать, ну он тоже для страны — и метро, и все это, все равно остался как бы создателем. Ну, когда мне говорили: «Ой, вы знаете, у нас есть знакомая, племянница Кагановича, давайте вас познакомим!» Еще когда я намного моложе была, я работала в райздраве, и я не испытывала большого желания познакомиться. Я вот была знакома, очень поверхностно, это вот Смилга, Иоффе, потом эта Крестинская, потому, что вот этот вот Сироткин, который сейчас выступал в последнем фильме, он задумал сделать

фильм «Дети советских дипломатов первых» к восьмому марта не помню какого года. И вот он нас набрал, значит, меня, Крестинскую, Смилга и Иоффе. Привел нас в старую, около Красных ворот, там было в советское время Министерство иностранных дел, сейчас дипломатическая академия там. И вот он нас там с этим, Молчановым гоняли по кругу: «Встаньте туда! Пройдите оттуда!» А в окна сидели все сотрудницы и девчонки молодые, и все наблюдали, как он нас гонял-гонял. А потом Молчанов испугался и к 8-му марта этот фильм не дал, зато Сироткин мне рассказал, что когда он появился, он там преподавал, в этой академии, то к нему бросились эти женщины, в основном которые наблюдали, и говорят: «Слушайте, вы что артистов то сюда привели?» А он им сказал: «А почему вы думаете, что это артисты? Это дети первых советских дипломатов». «Да бросьте вы пожалуйста!» Он говорит: «А что, они должны в ватниках были прийти и брать как зимний дворец что ли?», — он им сказал. Они сказали: «Ну ладно, вот эта вот, — Иоффе тогда было, ну не знаю сколько там, ну пожилая женщина самая, Смилга она хорошо выглядела, Крестинская — все постарше меня, — а вот это, ходила маленького роста, это вы что мы думаете, вам поверим, что это вы не артистку сюда привели? Какая она может быть, человек, который Зимний дворец брал?» В общем, фильм провалился, и этот Молчанов испугался. Вот я их тогда видела, этих дочерей. Но потом я еще видела, вечера такие были «Зеленая лампа», когда реабилитация прошла, я еще не умела говорить об отце и о маме как-то так складно, ну, меня приглашали — 50 рублей а у меня пенсия была грошовая, здесь я жидка одна. Ну вот я ходила. Очень благодарна была. Телевидение меня снимало тоже. Ну и, короче говоря, там я увидела дочку Радека, ну она намного меня, они все нормально, потому что их родили как, уже внучкой не назовешь, как меня, им тогда уже было под семьдесят, там чего-то за, потом увидела Ларину, это Бухарина жену, один раз я ее увидела, в Доме актера мы увиделись так, ну я на нее обижена была, поэтому мы только поздоровались.

03:04:24

А почему вы были на Ларину?

Была обижена, я сейчас скажу почему. Значит, и кого еще... да нет, остальные вот эти все были Смилга, вот Крестинская. Ларина, потому что она выросла вместе с моим братом, от первого брака у Сокольникова, Зорхи Женя. Они ровесники были в Доме на набережной. Это любовь всей его жизни была, эта Аня, она Нюся, Аня. И он там бегал и подглядывал за ней, а она выбрала намного старше себя, Бухарина. И, когда в 1937-м отца посадили, ну процесс начался, а он учился, носил фамилию Зорхи, жил на набережной с матерью, был выслан все равно, хоть и отец не воспитывал, и мать была выслана, хотя была помощницей Ягоды. Они там конюшни убирали, в Караганде, после 1949-го второй посадки, потом вернулись в Москву. И вот, в Доме на набережной. И эта первая жена Сокольникова разыскала меня, сама. «Вот появилась здесь дочка Сокольникова», в 1962-м году, она меня разыскала, по-моему, в 1964-м, я пришла к ней в Дом на набережной, она меня вот так, с головы до ног вот так вот гладила и говорила «Гришенька, Гришенька». Она так любила отца и не вышла замуж. «Гришенька, Гришенька». Так вот, Ларина, когда этот первый, от первого брака Женя, кончал бронетанковую академию, к нему подошли на выпускном и при всех военных сорвали с него погоны и сказали: «Ты мало того, что ты сын незаконный Сокольникова, ты еще и любовник жены Бухарина». Хотя никакой любовник не был, это юношеская страшная первая любовь. И она, зная это все, как Женька ее любил, и как у него потом не сложилась жизнь — ни детей не осталось, ничего, каких-то выбирал лифтерш, бог знает, что, я с ним дружила до его смерти, хоронила я его, один умер. Три дня лежал, никто не смог его, пришлось в закрытом гробу хоронить. И она пишет в «Огоньке», Коэн этот, знаете, американский, Стив Коэн пишет с ней — о Сокольникове никто не написал в «Огоньке», а о нем, о Бухарине написали — и она там пишет: «Сокольников оболгал Бухарина». Где это сказано? Хотя, два эмигранта, которые убежали — и Бажанов, и Орлов — писали, что заставляли Сокольникова о Бухарине, чтобы не расстрелять его сына от первого брака и молодую жену. Ну и чего ты это написала, что от этого. И поэтому я увидела ее, она так на меня посмотрела, ну, остатки былой красоты и все, мы не обменялись никакими приветствиями.

03:07:38

А Бажанова вы читали?

Я не читала, мне Эльмар давал отрывки только, где о Сокольникове, подпольно, когда пришло это все в Россию, вот он меня просвещал у него в «Известиях». Есть книжка, есть, вот сейчас она есть там у дочки. Ну там очень хорошо о Сокольникове пишет.

03:08:03

А почему и каким образом Зоря смогла попасть в институт? Как она МГУ закончила?

Ой это, это Зорина история, это надо Зорю, конечно, вам. У нее своя потрясающая история.

03:08:16

У нее будет своя группа, мне вот интересно

Зоря попала вот как. Значит, Зоря, в Семипалатинске когда мы очутились, бабушка я, Зоря. Мама сидела в тюрьме и пела там. Я не рассказывала это вам. Мама там пела, в тюрьме. И бабушка брала меня, мы ходили на край города, где была тюрьма Семипалатинска, стояли на рельсах и ждали, когда мама запоет, и она начинала петь прекрасным голосом, и мимо шли эти люди говорят: «Радио что ли поет?». Она заканчивала там «Однозвучно гремит колокольчик», «Прощай радость...», «Жизнь моя», «Знал ли ты как я», вот такие вот вещи, конечно, соответствующие тому, что она сидела. Потом все слушали, вся тюрьма, потом колотили в дверь «Прекратить!» Все. А сначала слушали. И вот бабушка меня туда водила слушать ее пение. А там сидел мужчина, который влюбился в этот голос и в этот образ Галины Серебряковой. Когда он вышел, там же многих потом освобождали. Ни за что, инженер — что он там? Какой враг? И он нашел нас. Нашёл Зорю, он намного был старше, у него была семья, но то ли в разводе, я маленькая была... в общем, он перенес свою любовь на Зорю. Зоря совсем была молоденькая. Тоже сначала фельдшерскую школу кончила, в общем, такое. Ну, она такая у нас была, не от мира сего. Мы совершенно разные. Она, знаете, вот как Вивьен Ли, вот с небес только что спустилась и какая-то иностранка. Единственный ее недостаток был — это жуткая кожа, вся в веснушках, она вечно их сводила. А так она была очень оригинальная. У нее огромные зелёные глаза, жгучие черные волосы, при зеленых глазах, и вот такие вот вывороченные губы, от кого — совершенно неясно, как сейчас вот себе надувают, а у нее свои такие. Мужчины просто обалдевали от ее вида. И этот Илья Иванович начал к нам ходить, ходить, ходить и вынудил Зорю выйти за него замуж. Она вышла замуж, и началась война, и он в первых рядах погиб под Белой Церковью. В этот момент через границу, через Львов, бегут польские евреи из Кракова. Вот эта история с Хатынью, с Катынью и прочими делами. Бегут три человека, три брата. Младший Генрих Соломонович Цвейг, какая-то родня писателя Цвейга. Вот у них на глазах расстреляли маму с девочкой, в Освенциме сожгли, и еще брата в Бухенвальде с ребенком. И вот они трое удрали, бегут в Советский союз. А Советский Союз граб и на лесозаготовки, а они все в легеньких костюмах и на лесозаготовки в Сибирь. И вот они там в Сибири очутились прекрасно, и этот Генрих на левой руке отморозил четыре пальца и он ножом сам себе их отрезал. Он всю жизнь был в перчатке, потом они такие хитрые польские евреи, они раз — и в Семипалатинск прискакали. А с ними был еще мужчина, который очень хорошо играл на пианино, и они по улице в Семипалатинске идут, а из окна бабушка со своими этими музыкой, день и ночь. И они, один из поляков, говорит: «Слушайте, давайте зайдём, я попрошу поиграть, я так соскучился!» И они заходят к нам, в этот деревянный дом в Семипалатинске, а бабушка выходит и на чистейшем польском языке начинает, они вообще обалдели. И вот так Зоря познакомилась с Генрихом, младшим вот этим. Красавец невозможный. Западное воспитание, гимназия, ну, против Советского Союза тогдашнего. Ну вот, а у нее же муж еще, он не сразу погиб, еще Генрих на свадьбе гулял. Бабушка в ужасе. Причем, на этого Генриха вешались все девушки русские, все потом Зорины подружки все висели, а он что-то не очень. Ну и бабушка, значит, он начал к нам ходить, бабушка так стучала посудой, мыла, посудой так стучала, когда он приходил, прямо чуть не разбивала и говорила Зоре: «Вы погубите друг друга. Он без гражданства, у него паспорт без гражданства, а ты дочь врагов народа. Что вы делаете?» Нет, они поженились. Зоря едет в лагерь, забирает Таню. Таня там беденькая, ничего не говорила, одно слово «корочка», «корочка» — кушать хотела, вот так ходила. До трех лет не говорила, мы еле, думали вообще, ну, потом заговорила. Красивая тоже она, у нее отец хохол. Ну и, короче говоря, Зоря через Москву едет и, ни больше ни меньше, как звонит жене Молотова — Жемчужиной. Звонит этой Полине Семёновне и говорит: «Я Зоря Серебрякова». Полина Семёновна говорит: «Так. Приходи», — там куда-то в Кремль или не в Кремль не знаю куда. Она министр чего-то была, какой-то промышленности. Зоря к ней приходит. А Генрих сидит в Семипалатинске, выезжать никуда нельзя без гражданства.

03:14:00

Это уже какой год?

Ну это перед их, рождением ребенка и посадкой. Где-то, наверное.

03:14:08

1946-й?

1946-й, да Полина Семеновна говорит: «Оставь эту Таню свою, я ее отдам в лучший детский дом буду покровителем». Зоря сказала: «Мы своих детей в детдома не сдаем. Я ее повезу в Семипалатинск к бабушке». Тогда Полина Семеновна Зорю спрашивает: «А ты что хочешь?» Она говорит: «Хочу МГУ». Полина — трень-брень. 1946-й год, Сталина дочь, Молотова дочь учится в МГУ. Она берет трубку и говорит: «Сейчас к вам придет Зоря Серебрякова». Там, наверное, упали со стула. «Зачислите ее на третий курс или четвертый, — она три года училась здесь, — исторического факультета». И что делать? Генриху нельзя выезжать, а Зоря

зачислена в университет. И вот она моталась три года. Кто учился в этот момент университете: Черняев — будущий помощник Горбачева. Откуда Никулина гора, откуда Зорина защита, докторская, откуда реабилитация отца на полтора раньше, чем Сокольникова? От Черняева. Он влюбился в Зорю, конечно, начал письма писать. Генрих получит это письмо, Зоря приезжает на каникулы, я помню, маленькая я была, он ее так берет и так об землю сажает. «Вот Зоренька, Зоря ясная», — этот пишет письма, Черняев. Он бабничек такой, до сих пор же жив. И вот так она за три года, с отличием. И все. Куда распределяться? В Семипалатинск. Она приезжает в Семипалатинск — там сроду диплом никто не видел, МГУ с отличием. И преподает в школе. А когда в 1949-м году посадили ее и Генриха: «Почему вы женились на Серебряковой? Чтобы быть посредником между дочерью врагов народа и иностранной разведкой!» Двадцать пять лет. Братья как его просили: «Давай уедем в Польшу» — «Нет. У меня здесь любовь, ребенок». В общем, он пошел. Он отходил в халате с номером в Дезказгане пять лет зазря.

03:16:27

Он потом был освобожден?

Да. Приехал Ворошилов, когда умер усатый вождь, разоблачили Берию, приехал Ворошилов. Там много было: и эти японцы были, и поляки, и евреи там все были. И Ворошилов сказал: «Извините нас, граждане, мы не имели права вас сажать. Можете поехать куда угодно. Все оплатим». Генрих сказал: «У меня ребенок, я поеду в Джембул». Что произошло за время отсутствия Генриха. Зоря абсолютно у нас неприспособленный человек. Она вот может все на «отлично» защитить и все это сдать. Картошку почистить и кашу сварить — это Лана ей сварит. И всю жизнь так. Сейчас сноха все варит. Вот ну не дано человеку. Вот и, значит, она приезжает в ссылку, ее высылают после шести месяцев отсидки вот такую, полусумасшедшую, с ребенком на руках. Идет в школу преподавать. А там вот такой, в семнадцать лет пошел в армию, такие ордена, я таких вообще не видела — Суворова, Кутузова. В семнадцать лет пошел — и вот, военрук. Значит, ходит, эти сандалии подвязаны веревками, преподает, военрук. Как увидел Зорю Леонидовну с этими, все, пропал парень. И все и подцепился к ней: «Я буду с тобой жить, буду каждый месяц посылки твоему мужу посылать». Каждый месяц стучал ящик, и посылались посылки Генриху. Ну, а потом реабилитация, Генриху надо приезжать к Зоре. Этот замечательный Михаил Степанович, он, во-первых, издевался над Зорей очень сильно. Я уже встречалась со своим мужем, вот она задержится в школе на работе, он, значит, сидит, а я в маленькой комнате со своим будущим мужем, и вот нож берет и точит, вжик-вжик, вжик-вжик. Она приходит: «Раздевайся. Показывай нижнее белье. Ты была с мужчиной». Я выбегаю, и со мной мой будущий муж, за шиворот его оттаскиваем, она выходит вот так: «Я ссыльная, что мне делать, как, что, я не могу уехать от него». Ну он шизон явный был. Ну и потом он взял и написал Генриху письмо, Генрих уже согласился сюда приехать к сыну, все. Он ему написал письмо и все, кто у Зори был директор в школе, кто каким преподавателем, он всех перечислил — «со всеми спала». И это письмо сыграло роль, что они потом, все-таки, здесь разошлись. Так вот получилось у Зори. У нее интересная судьба. А мальчишка с ним вырос. И он ему сказал: «Зачем тебе этот еврей? Я, Михаил Степанович, русский, и ты должен быть таким». Генрих приезжает, пять лет зря отходил с номером на это: «Витюша, мой дорогой сынок!». Он говорит: «Ты мне никто, ты еврей. А я — русский». Представляете, как у них жизнь потом начиналась. Плохо. Зоря уехала сразу сюда в Москву, начала в аспирантуру, везде, но ничего не сложилось, они все равно разошлись, потом он дважды был женат. Но Зоря молодец, она так построила отношения сына с Генрихом, что до конца они были большими друзьями. Квартира осталась, дети посещали Витькины. В общем, молодец. Вот видите какую я вам еще историю рассказала.

03:20:10

Да, удивительная, удивительная.

Связанную с войной и с немцами, и с этим ужасным 1949-м годом

03:20:19

XX съезд что изменил в обществе? Вот в вашей жизни я понимаю, а в обществе? Вот что вы чувствовали?

Вы знаете... сколь мне лет-то тогда было.

03:20:32

1956-й.

1956-й, а я 1934-го. Двадцать чего... два. Ничего, наверное, особенно не чувствовала, потому, что была занята любовью. Только что замуж вышла, ребенка родила. Вот как-то в эту

политику... я повторяла, как попугай только, что маму освободил XX съезд партии. Она написала письмо. Ну, на мне — никак, потому, что я жила в Средней Азии, родственники азиаты, понимаете... далекие от всех этих дел. Вы знаете, Людмила, я никогда в то время, вот вы меня спрашиваете «1956-й год», я никогда в 1956-м году не думала, что мы с вами вот так будем сидеть в 2014-м году. Я никогда не думала, что я еще когда-то буду жить в Москве, ни на одну секунду. Я не сомневалась, что моя жизнь пройдет в Средней Азии. Абсолютно. Раз я связала свою жизнь с Азией и с семьей, и дочка которую обожали там все мусульмане.

03:21:52

А скажите, пожалуйста, вот ваши.

А мусульмане со мной знаете, еще что сделали? Вот я вам рассказывала, что я прибежала к Фанштейну, вот когда эта история была, что отберут дом и все, я в 1958-м году еще раз прибежала к Фанштейну. За мной камни летали, вот на память что осталось. Я хотела забрать свою дочь, которую, мама мне в письмах посоветовала: «Раз ты поступила в институт, отними от груди и отдай свекрови». И я отдала. И благодаря моей дочери построили новый дом, и снова соединились свекровка с мужем. И когда я приехала ее забирать, мне сказали: «Наш ребенок первый, у мусульман такой закон». Я говорю: «Какой закон? А может быть, у меня не будет больше детей?», — так и случилось. Они напоили моего мужа, закрыли меня, он в меня бросил этой крышкой, вот сломал палец, я вырвалась и побежала ночью к Фанштейну. Он, я прибежала, он говорит: «Кто вас надоумил ребенка привезти к ним?» Я говорю: «Мама посоветовала, чтобы я институт не бросала». «Все, сейчас украдете, и советский закон будет вас судить и отдавать ребенка обратно. Вы что наделали?» Такой ужас. И он написал маме письмо, этот Файнштейн, что «Ваша дочь страшно одинока в этой всей ситуации», что «она попала в эту семью», что «забирают у нее ребенка». Как это вообще произошло. И мама наняла здесь адвоката какого-то, якобы, или не наняла, во всяком случае, по фамилии Тартыков, я до сир пор ношу их фамилию, все получили письмо из Москвы. Вот такое торжественное, жуткое, в котором было написано, что «Я, Галина Серебрякова, подаю на вас в суд за применение феодально-байских ситуаций с моей дочерью, которой вы не отдаете ребенка. Она его отдала в девять, а вы говорите, в два месяца, „подбросила, есть свидетели“, говорите». Вот такой ужас. А один из родственников был председатель губсовета. Представляете, как он это письмо получил из Москвы? А мужу она моему написала: «Значит так, ты приезжаешь к матери, забираешь ребенка и на руках его передаешь моей Лане». Представляете, что я еще пережила? Я все забыла, все им простила.

03:24:30

Ну то есть она...

Вот написала она «Смерч» как само собой разумеющееся, что она должна написать о своих, это же только половина, десять лет, вторая половина разбросана по книжкам. Вторая-то половина еще была, где она себя во врача представила и все разбросала. Она считала, что «слава богу, можно написать „Смерч“. Хрущев ведь ей поручил «Смерч» раньше, чем «Ивану Денисовичу». У нас здесь все это лежало, и мы все проверяли ошибки, и все это ушло за рубеж, и мама нас собирала и говорила: «Нас третий раз вышлют».

03:25:08

А когда «Смерч» в первый раз опубликовали?

После смерти. А «Смерч» увезли, продавали вот на этих пленках иностранцам, они туда возили, и там его опубликовала Польша, официально, чтобы сделать маме больно, это же, конечно, сделали органы. Потому, что они опубликовали в белой эмигрантской газете польской: «Галина Серебрякова, „Смерч“». И мама утром рано, когда узнала, она в литературке написала, что «я отказываюсь, я не видела, что там написано, и я отказываюсь от авторства». Боже мой. Я прибежала к ларьку, мне сказали: «Все разобрали! Все газеты! Галина Серебрякова отказалась от своего „Смерча“». Все было разобрано. А потом она поехала в Польшу и посмотрела — все острые моменты убраны. Все просто, знаете, тайны мадридского двора кто-то нарочно перебрал за рубеж, чтобы ее скомпрометировать, чтобы ее... она нас тут собрала: «Все собирайте манатки, мы еще третий раз уедем далеко!»

03:26:23

Это какой был год?

Ой, ну, какой-то из 1970-х.

03:26:27

Семидесятые, да?

Ну раньше, чем «Иван Денисович» ... нет или позже уже, не помню. Твардовский ее не публиковал, не хотел знать. Она выступила на встрече Хрущева с интеллигенцией и показала грудь свою. Это есть стенограмма. Говорит: «Вот мне порезали грудь, когда посадили». Прямо разрез такой был. И выступил этот, как его, Константин, господи вылетело ну «Жди меня».

03:27:02

Симонов.

Симонов и сказал: «Зачем Галина Иосифовна показала грудь? Мы бы с большим удовольствием посмотрели грудь нашей замечательной, — этой, ну вот которая умерла, жена Евтушенко. Ну вот все вылетело из башки. Ну, поэтесса наша, не Ахматова, а Ахмадулина, — мы бы лучше грудь посмотрели у Ахмадулиной». Вот вам Симонов.

03:27:40

Ну, то есть, она себя «жертвой» считала?

Она говорила: «Я жертва такая же, как Иисус Христос. Когда я умру, меня народ будет считать Иисусом Христом». Ничего не повторилось. Я еле-еле выпросила «Литературную газету» вот такую маленькую статью на ее столетие. Правда, я выступила на «Маяке». Я целый час рассказывала о ней, и знаете, сколько мне позвонило. И о моей судьбе немножко. Мне семья позвонила: «Мы сидим: муж, жена и дети, и плачем над вашей судьбой».

03:28:11

В каком году она умерла?

Она в 1980-м. Олимпиаду когда готовили

03:28:20

И вы о ней рассказывали, да?

Я рассказывала о ней, потом они попросили о Сокольникове. И 21-го, в день смерти Ленина, я рассказывала о Сокольникове. Ну, ничего не платили, ничего, в этом «Маяке», только машину давали туда и обратно. Причем, самое удивительное, что меня вез обратно, после рассказа о Сокольникове, впервые такое увидела, самый натуральный, женского пола, гей. Сидел рядом со мной, волосы длинные, курточка розовая, я так оглянулась, а на заднем сидении лежит женская сумка такая, с блесками. Думаю: «Ну и на здоровье, что теперь, привез и привез». На такси.

03:29:03

А почему с младшей сестрой, вот вы же ее практически растили, почему вот так вот какие-то?

Она очень тяжелый человек. Она тяжелый человек по характеру, какие там гены — я не знаю. И то, что я помешала, она вот не может на мою половину приходить, потому, что это должно ее было быть. Когда тебе все время внушают: «Когда я умру, эта дача тебе достанется, а Лане и Зоре по шубе». Да, это еще. У нас были моменты мы очень дружны были. Мы обе продали землю, не с Зорей, Зоря ни одной сотки не продала. Она считает, что это такое богатство. Вот сейчас это Москва — такое богатство. А мы с ней все продали. У нее восемь осталось, у меня пять. Не знаю, я например, настояла на том, чтобы она оформила реабилитацию свою эту, репрессию, что она родилась за колючей проволокой, что у неё мама, все документы я потребовала, чтобы ей были скидки. И я очень много занималась, когда ее дочь родила ребенка, и нужно было кормилицу — не было молока, а я в этой сфере работала, через минуту была кормилица, две, потом надо было массаж ребёнку делать, через минуту массаж делался. Ничего. Потом были трудные времена, когда Гайдар эту свою реформу сделал, ведь одежды для детей не было, и вот всю одежду, которую мой внук носил — это моя дочь, она очень добрая — всю отглаженную, в хорошем состоянии, я всегда носила ее внуку. Ну, одни только ужасные оскорбления какие-то, жуткие совершенно, я вынуждена была этот забор поставить.

03:30:53

И это все только на почве вот...

Бытовой.

03:30:56

Бытовой?

Не только. Потому, что видите тут, она историко-архивный кончила, но почти не работала. У нее очень хороший муж. У всех все разное. У нее очень плохие отношения с дочкой, очень сложно. Она вырастила внука, от первого брака у дочки, зато у нее замечательный муж. А у меня мужа нет, хорошая дочь. Понимаете.

03:31:21

Когда с вашей дочерью разговаривали о своих родственниках, да вот, о своей судьбе, как.

У меня очень любит все это внук.

03:31:30

Внук, да?

Он записал меня на диктофон, он, вот недавно тут были его друзья, у него день рождения был, и мне было сказано: «Так, мама, — дочка, — не води по даче экскурсии, не говори кто твой отец, кто мать. Это не надо делать, у нас взрослые ребята придут». Ну я сидела. Потом, значит, в туалет попросился один, тоже двадцать восемь лет, вместе институт кончали, заходит, значит, и все это, смотрит, висит портрет Сокольникова, еще что-то, я молчу. Он говорит: «А мне Женя сказал, что „У меня бабушка не простая, она знаменитая!“ Я чуть в обморок не упала. Вот он да, а дочка как-то... зять у меня ревнует, он ревнует, что я занимаюсь какой-то деятельностью, что я должна сидеть на диване и помалкивать. А потом болею, потом ночью скорую помощь вызываю, а им приходится со мной возиться. Я же вот по больницам очень часто, у меня инсульт был небольшой. И это передается. У меня дочка, она мусульманская жена получилась, она вся под башмаком.

03:32:51

А реабилитация. Вы свою реабилитацию получили?

Да. Я получила. Причем, первый раз я не хотела ничего оформлять. Вот эта маленькая тетя, которая, я говорила вам, у деда родилась в Хиве, она говорит: «Лана, а что это такое? Давай-ка ты давай, собирай документы, у тебя же есть». У меня есть, у меня отец прошел же как этот, военный преступник, а мама как просто преступник. Значит, у меня из Верховного суда и из военной прокуратуры. Я собрала эти документы и стала как «дети» [репрессированных]. Коричневая корочка была. Я стала как «дети». И вдруг, вместо Илюшенко назначают женщину. Илюшенко убирают, и приходит некая Вишневская или как-то другая. И она говорит: «Очень много подделок под репрессированных, давайте-ка проведем инвентаризацию. Всем снова сдать документы». Я была в ужасе. Я приходила в собес, эти бедные старики девяностолетние, восьмидесятилетние вот такие согнутые, со своими бумажками. Все снова сдали, все. И я в том числе. Ну, жду когда я буду опять... там какие-то у меня появились два-три знакомых детей репрессированных, уже по ходу, в каждом же районе были раньше советы или кто-там. Какие-то тряпки привозили из Германии, распределяли по одной тряпке только. Да, не дай бог две. Вот. Потом, значит, какие-то обеды устраивали, в общем, вот такое происходило. Мне не нравилось это все. Потому, что на одном из обедов я поняла, что дети вот высшего состава, правительства, такие, как я, и которые сейчас вот сидели, реабилитированные — это совсем другие люди. У них, они не выслались понимает, некоторые антисоветчики были после шестидесятых годов, что-то там сказали в школе не то. И вот они злобно очень говорили вот об этих всех, типа моего отца, которые пострадали в 1937-м году. Я решила, что мне там делать нечего, я там переживаю сию, молча. Я перестала на эти обеды, на эти чаи ходить. Ну потом, значит, вдруг смотрю — приходит пакет мне. Я открываю пакет, а там написано «Вас признать не репрессированной как ребёнок, а как жертва политических репрессий, потому что есть подпункт „Если вам в ссылке исполнилось 16-18, то вы жертва“. Я стала жертвой с красной книжкой. Ну я ходила, ходила и вдруг вижу, что там руководит всем врач, с которой мы в райздраве вместе работали. Она была где-то главврачом поликлиники, а я по детству. Оказалось, у нее тоже были репрессии, и вообще, она с Прибалтики. И вдруг ко мне, значит, подходит одна какая-то мадам говорит мне: «Вы что тут, присматриваете вторую тряпку?» Я говорю: «Да, я жертва политических репрессий», — показываю ей книжку. Она: «Интересно, мы с вами ровесники, а почему это вы жертва, а я дочь, то есть дети?» Я говорю: «А вы знаете, сейчас изменение произошло мне восемь.. вы в ссылке были?» «Нет, у меня просто отца репрессировали, но я жила в Москве». Я говорю: «Вот видите как хорошо, вы ходили в московскую школу, потом в институт, потом в аспирантуру, а я — совсем другие пенаты посещала, поэтому, я очутилась в ссылке в восемнадцать, в шестнадцать-восемнадцать». Она так возмущалась, и подходит эта врач, которая руководила: «Что тут происходит?» Она говорит: «Вот, что это такое, вторую тряпку, — ну, не «тряпку», конечно, а «вещь». Та говорит: «Так, Гелиана Григорьевна, идите и возьмите вторую вещь для своего

внука». Я пошла, взяла какого-то очередного, там вон до сих пор висит майка. Зависть такая, знаете. Как же я вот. Вот так моя судьба, что я стала «жертвой», а не «дети». А потом всех приравняли, говорят.

03:37:28

Когда вы узнали о судьбе отца? Вот прямо

Ой, стыдоба такая. О судьбе отца — вот когда опубликовалась статья «Возвращение Сокольникова».

03:37:38

Это какой год?

Это реабилитация, 1988-й, а узнала я, значит, в 1989-м, потому, что у меня опять с этим связана интересная история. Когда я была старшим инспектором Министерства обороны, был момент в 1982-м году, совсем еще реабилитацией не пахло, отца, мне надо было посетить город Североморск. А он был страшно засекречен, это Северный флот наш. И, значит, оттуда, с этого Северного флота, к нам приехала женщина, которая вышла замуж за москвича в пятьдесят лет. Я грешным делом, такая белая зависть, думаю: «Вот надо же, в Североморске жила, нашла на курорте мужа, пятьдесят лет, демонстрирует обручальное кольцо, а я сижу, уже семь лет вдова и ничего вокруг не светит». Ну мы с ней как-то подружились, вот почему-то. И я говорю: «Галя, а я еду туда, откуда ты приехала». Она говорит: «Да? Ты смотри», а мама уже умерла, 1982-й. Она мне говорит: «Так, дубленка есть мамина?» А тогда дубленка это же вообще, я говорю: «Есть» — «Так, дубленка». Я говорю: «Апрель месяц, я в дубленке на Северный флот приеду?» — «Одевай дубленку! Так, украшения», — а мне мамины украшения, я сегодня не одела, достались. Она бирюзу собирала, на счастье. Огромное кольцо, авторская работа. Вот это тоже авторская работа [нрзб], эти такие серьги. У меня только у одной проколоты уши, у сестер нет. «Одень бирюзу в золоте. Там знаешь, какие зарплаты? Чтобы на тебя на посмотрели заведующие, эти жены офицеров, и ты приедешь, не пойми, что». Ну и я нацепила все это дело, летаю плохо, прилетела зеленая туда, пришел генерал, говорит: «Ее как, в больницу или она отойдет?» Около крыла я там сидела-сидела, желтизна эта вся сошла. Ну все. Проверяю, проверяю, так встречают, двадцать учреждений, никто никогда не проверял, я им прочла целый цикл лекций, как надо чего делать, и в ресторан мы сходили, в общем, осталось два дня. Два дня остается, открывается дверь, а у меня начальник — звезды, вот-вот ждет генерала, полковник медицинской службы, начальник этой всей нашей комиссии, значит, открывается дверь и входит, там своя еще инспектор под Североморском, входит она и несколько женщин. И говорят: «Николай Григорьевич, — к этому моему, — а можно Гелиана Григорьевна у нас в клубе книголюбов расскажет о Галине Серебряковой?» Я говорю: «Это еще что? А вы откуда знаете, чья я дочь?» — «Ну как же? Нам из Москвы Галя Григорьевна позвонила». А мне дубленку, а туда — кто едет. Он, значит, от страха у него, знаете, как же, тут без пяти минут генерал и не реабилитированный Сокольников, и я пойду рассказывать о маме, двадцать лет за что сидела. Ему плохо стало. Он мне говорит: «Ну, подумаем». Они ушли. А два дня осталось. И я сижу. «Это нескромно — ходить, рассказывать». Я говорю: «Да я, пожалуйста, нескромно — все». На второй день открывается дверь, они еще большая пришла, и еще у них книголюбов клуб, нету театра, ничего нету, и руководит жена генерала. Как он может. Ну я, они ушли, назначила. Я говорю, сорок пять минут, мне надо писать акты, вопрос — ответ. А я еще не умела о маме говорить, 1982-й год. Он мне, сидит весь из себя, думаю «Бойтся за свои звезды». Я говорю: «Николай Григорьевич, вы не бойтесь. Как только вопрос встанет, за что Галина Серебрякова сидела двадцать лет, — а это написано было в книгах, — я скажу: „Эти вопросы больше не обсуждаю“. Все, не волнуйтесь». Ну вот, пришла я на этот клуб, сидят в основном, конечно, женщины, книги мамины наставлены, а в углу сидит вот такой вот мальчик какой-то, лейтенантик какой-то, весь, от прыщей дырочки, блондинчик такой. Ну я еще так посмотрела, думаю, что это в основном такой состав женский, а он сидит. Ну, кончается мой рассказ, значит вопрос «За что сидела Галина Серебрякова». Я говорю: «За моего отца, вопросы больше не задавать». Это оказался Анфертьев, который возглавлял маленькую газетенку, да не в Североморске, а в Гремике — еще дальше, «На страже Заполярья». Ну он партийный был, он мог в архивы приехать в Москву. И все. Он пришёл, как он мне потом рассказывал, и стал думать, за кого же сидела Галина Серебрякова. И надумал, что наверное, за Сокольникова, потому, что в советское время в одной книжке про гражданскую войну было написано, что в Гражданскую войну единственным человеком, который был и комиссаром, и командармом, был в 8-й армии Сокольников. И он от этого начал плясать. Он тогда и орден, 8-й номер, получил Красного знамени, никогда не носил, считал, что Гражданская война это нельзя носить. Ну вот. И он начал копать. В этот момент «Красная Звезда» объявляет конкурс на какой-то рассказов о чем-то. И он посылает, а у него хороший слог, он посылает, его вызывают в Москву: «А не хотите ли вы у нас работать в „Красной звезде?“ Он обалдел. «Хочу» — «Трехкомнатную квартиру вам дадим». Двое детей, мальчишек, дают квартиру. И тут 1988-й год, а у него уже материала полно. Реабилитация. Газета «Правда»: «Сегодня состоялся

Пленум, реабилитирован там то-се Сокольников все«. И он через неделю приходит к своему генералу, этому главному редактору, говорит: «А можно я напишу про Сокольников?». «Возвращение Сокольников». Вот такое целая страница, и фотография. Тот говорит: «Пиши, пиши. Сейчас это актуально» Он выдает это «Возвращение Сокольников» Что в моем министерстве делалось, говорили, мне позвонили, как они бегали с этой газетой после того, как съели меня так хорошо. О, кто у нас работал, особенно финансист военный. Ну и он: «как найти Гелиану Григорьевну?» А я то уже не в министерстве, меня уже съели, я уже в 1988-м году заведующая плохенькими яслями за сто рублей, оклад на сто рублей меньше. Он, значит, к Зоре Леонидовне, институт, историк. «Зоря Леонидовна, вот я о Сокольникове написал». Она: «Я вам дам телефон Гелианы Григорьевны и адрес, если вы напишете точно так же о Серебрякове». Он говорит: «Напишу». И он пишет «Гениальный рабочий». «Гениальный рабочий» звал Ленин Серебрякова. Совершенная противоположность Сокольникову, не интеллигент талантливый. И она дает ему это, он меня разыскивает, и вот мы дружим с тех пор. Значит, смотрите его биографию, значит, вот он начинал «Красная звезда» ни с того ни с сего, после этого он первый секретарь «Морского сборника», ученый секретарь и, наконец, на должности генерала, но ее сняли, он капитан 1-го ранга, он несколько лет работает редактором «Военно-исторического журнала» шикарного. И все время мы дружим. Куда бы я ни пошла, каждое второе мое августа, одна я, дети уехали, он у меня на пороге. Он вегетарианец, накормить ужасно трудно. Сам приносит свою зелень. И однажды вдруг звонит, говорит: «А мы тут справляем какую-то дату своего военно-исторического журнала». И он их сюда привез, к Окуджаве на полянку на какую-то. «Можно я к вам зайду?». А он коньячок, под коньячок, ну я говорю: «Ну, заходите». Он заходит под коньячок и мне говорит: «Гелиана Григорьевна, давно хотел с вами поговорить. Вы посмотрите, какая у меня карьера». А он уже защитился, кандидат исторических наук, он сейчас преподает в РГГУ историю, он нештатный этот самый помощник всех архивистов России у Пивовара, он издает «Вестник архивист», уже будучи на пенсии капитан 1-го ранга. Он говорит: «Гелиана Григорьевна, я долго думал, когда я был маленький, жил в Кирове, — учителя родители, — и вдруг, лет в девять мне приходит такая мысль, что я буду жить в Москве, что я буду носить хорошие костюмы, но для этого я должен почему-то буду реабилитировать талантливейшего, забытого, очень достойного человека. И вы знаете, я считаю, что все, что со мной произошло за эти годы, это Григорий Яковлевич». Вот он мне такую штуку доложил. Вот так я узнала об отце, от него. Из его статьи, что вот он был министром финансов, НЭП, вот это все подробно, потому, что я думала, НЭП это ужасная вещь была плохая, нас так учили. Все вот началось с Анфертьева и поехало, начали появляться другие публикации, пошло вокруг меня круг образовался. Так я узнала об отце.